

ОГНЕННАЯ СТРАСТЬ К РОДИНЕ

Я много раз слышал его имя. В маленьком подмосковном Серпухове, на рубеже холмистой и степной Руси. В домах местной интеллигенции, которая себя неплохо чувствовала, отделенная от кипящей недалеко столицы бессмыслицей провинции да знаменитым сотым километром, книги этого писателя были желанны, а поступки и черты национального характера обсуждаемы. Тогда из рассказов взрослых о нем выяснялось, что у нас бывает еще и необычная, огненная любовь к местам, где ты родился и вырос. Эта страсть к невзрачным пажитям, серым спокойным рекам и неяркому однообразному пейзажу, оказывается, бывает также необычным стимулом к созданию замечательных литературных и публицистических произведений. И главным среди адептов, исповедовавших эту неугасающую любовь к России, особенно к дореволюционной, всегда называли Василия Витальевича Шульгина. Сегодня, обращаясь к его творчеству, к неизвестной читателю публицистике, хочется в который раз напомнить нам всем, что именно любовью и жив человек. Не бессмысленным тяготением к утраченному времени и к идеальному пространству, а чувством к запечатленным в душе прошлым ощущениям окружающего и верой в традиции — даже к привычному виду из окна. Во всяком случае в нашем Отечестве такое случается часто. Может быть, и нам с вами повезет, и в исторической публицистике этого прекрасного писателя, изложенной на бумаге, мелькнет далекий таинственный костер российской истории XX века, способный по сию пору, как притихший вулкан, согревать и пробуждать главные мысли и чувства у нас и наших современников. Проживший долгую (98 лет) жизнь писатель В. В. Шульгин был не только страстным созерцателем этой российской истории, но и прямым активнейшим ее участником.

Популярный в России и в среде зарубежной эмиграции писатель, монархист, член Государственной думы, сподвижник П. А. Столыпина, Василий Витальевич Шульгин известен как человек, который в феврале 1917-го принял из рук государя Императора отречение от престола. Именно поэтому обнаруженная недавно в архиве и впервые публикуемая сегодня историкопублицистическая книга "Опыт Ленина" — значительное явление не только в его собственном творчестве, но и в русской литературе, которая всегда, со времен А. С. Пушкина, ставила перед собой и обществом политические задачи при оценке действительности.

"Опыт Ленина" написан В. В. Шульгиным осенью 1958 года, в год его восьмидесятилетия. Позднее к нему было проявлено, в очередной раз в XX веке, неожиданное даже для него, внимание совершенно разными представителями отечественной культурной среды. Вышел фильм о нем. Многие писатели, несмотря на трудности и опасность в то время общения с ним, нашли способ встретиться с самым загадочным и необычным в России человеком-легендой. Существуют многие воспоминания о встречах с ним именно в это время. Но никто, даже близкие к нему и родственники, не знали о том, что он написал книгу о Ленине. Следует отметить, что необычайный творческий дар В. В. Шульгина в быту сочетался с удивительным российским прагматизмом и трезвым анализом окружающей действительности. Эти качества часто ограждали не только писателя, но и окружающих его от серьезных неприятностей, свойственных отечественной жизни. Так, единственный экземпляр рукописи "Опыта Ленина" заканчивался следующим абзацем:

"Кроме автора ни единый человек этой рукописи по сей день не читал. В том числе и моя жена Мар. Дим., которая не знает даже заглавия. Персонал Дома инвалидов думает, что я писал некий исторический труд, что не так далеко от истины. В. Шульгин 24.11.58 г."

Конечно, создание такого исследования было своеобразным подведением итогов собственной необычной жизни, которая на протяжении многих лет слишком тесно переплеталась со столь же непростой судьбой России. Об этой судьбе Родины писатель не

переставал думать и писать: в эмиграции, в дни тюремного заключения, с 1945-го по 1956 год, после освобождения из заключения, в период бездомного скитания в России по домам инвалидов и престарелых и до своего последнего дня в любимом Отечестве — в 1976-м в дни приближающегося своего 99-летия. Он, всегда вызывавший отчаянную приязнь окружающих и почтительное уважение советских органов, по-прежнему продолжал думать только о России. Книге "Опыт Ленина" им придавалось особое значение. Именно поэтому, опасаясь за ее судьбу, незадолго до смерти он сдал рукопись книги вместе с другими своими материалами в архив КГБ, будучи твердо уверенным в гарантии сохранности для России своего труда в этом необычном месте.

Книга композиционно разделена В. В. Шульгиным на три части. Все они посвящены "размышлениям над самим собой, где внутренний смысл моей долгой жизни состоял в постижении того, что я назвал "Опыт Ленина".

Книга создавалась в середине XX века, в период классической мудрости общественного сознания, и охватывает прошлое, настоящее и будущее России. Сегодня на излете тысячелетия нашего духовного развития, в дни "имперского сумрака" и государственной сумятицы, страстное повествование писателя об отчизне, его провидческие предсказания о ее судьбе к концу века, размышления о путях ее дальнейшего движения в мировой истории создают особый художественно-публицистический мир, чрезвычайно притягательный для современного "информированного" читателя.

В заключении книги В. В. Шульгин пишет: "Я не доживу, конечно, до завершения "Опыта Ленина", которого жду к концу века. Но если индусская вера правильна, то я увижу апофеоз этого начинания в моей следующей жизни. Я снова буду молод и полон сил, и напишу тогда, опять же свободным пером, новую книгу под заглавием "Свершенный опыт Ленина". Думаю, что в наши дни следует воздать должное человеку, который на протяжении всей своей долгой жизни стоял принципиально в оппозиции к вождям населения одной шестой территории мира. Писатель, пытавшийся понять задуманное Лениным, которого он справедливо считал одним из "властителей мира", заслуживает внимания. Сейчас, когда время неумолимо движется к отметке 2001 года, интересно держать в руках это повествование, исполненное небывалой свободы мысли и художественной точности предсказаний и оценок.

Михаил АЙВАЗЯН

ОПЫТ ЛЕНИНА

КРАТКОЕ ПРЕДИСЛОВИЕ

Мысли, в настоящем произведении изложенные, волнительные, тревожные; и это независимо от их ценности или бесполезности. Беречь раны, старые и новые, так сказать, впустую, не имело бы смысла. Должны быть для этого мучительного занятия причина и цель. То и другое налицо.

Мне было сказано:

— Было бы интересно, а может быть, и полезно, если бы вы записали ваши теперешние мысли. В случае если эта запись приобретет форму книги, это еще не значит, что ее можно будет напечатать. Но все же и в виде рукописи в единственном экземпляре ваш труд будет как бы продолжением ваших печатных произведений, написанных более тридцати и даже, без малого, сорока лет тому назад.

При этом имелись в виду мои книги: "1920 год", написанный в 1921 году, "Дни", написанные в 1922 году, и "Три столицы", написанные в 1926 году.

Вышеизложенный разговор был причиной, почему я взялся за перо. Цель настоящего труда — удовлетворить весьма лестный для меня интерес к тому, до чего я додумался за столь долгие годы.

Но в процессе писания оказалось, что этот труд в высшей степени нужен мне самому. И

это вот почему.

Мне исполнилось 80 лет. Я — не канцлер Аденауэр. Последний проявляет исключительные в его возрасте жизненные силы. Но я старик обыкновенный, так сказать, нормальный, мои силы при конце. Но, кроме того, я старик верующий, религиозный. В качестве такового я имею потребность готовиться к переходу туда, куда мы идем все. Уходя, естественно подвести какой-то итог своей жизни.

Изложенные здесь мои теперешние взгляды и суть этот итог. Совокупность

Ума холодных наблюдений

И сердца горестных замет.

Когда я глубоко задумался над самим собою, то мне как бы раскрылось, что внутренний смысл моей долгой жизни состоял в постижении того, что я назвал "Опыт Ленина"!

Путем тяжких испытаний и переживаний изучал я его. Изучал с разных сторон, изучал издали и вблизи. Но изучил все же совершенно недостаточно. Сознаю это.

Однако для дальнейшего изучения сил у меня больше нет. Что понято, то понято. Глубже и лучше поймут другие. Я же ставлю точку.

Согласно с вышеизложенным эта книга, точнее сказать — рукопись, предназначается для тех, кто заинтересовался моей скромной персоной. Это внимание было толчком, а также дало мне силы исполнить то, что крайне необходимо мне самому, а именно:

Мне нужно исчерпывающе поговорить со своей собственной совестью; потому что я, выражаясь высоким стилем, ощущаю себя "на пороге смерти".

НАСМЕШКА СУДЬБЫ

Мне не пришлось лично встретиться с Лениным, о чем сожалею. Но мы встречались иначе.

Вернувшись в Россию в апреле 1917 года, он, Ленин, поселился в ставшем вследствие этого знаменитым так называемом "особняке Кшесинской", что на Каменноостровском, близ Троицкого моста.

Я почти каждый день проходил мимо этого особняка, так как жил неподалеку; с тех пор, как там поселился Ленин, вокруг дома всегда стояла толпа. Я иногда даже останавливался. С балкона второго этажа непрерывно говорились речи. Может быть, когда-нибудь говорил и Ленин, но я не знал его в лицо. Несомненно, говорили те, что приехали с ним из Германии. Прислушиваясь к этим речам, я понял, что здесь происходит. С этого балкона стремились уничтожить русскую армию. Всеми средствами разлагали дисциплину, натравливая солдат на офицеров. И требовали немедленного мира "без аннексий и контрибуций"⁽¹⁾¹. Последнее, то есть "без аннексий и контрибуций", слушатели пропускали мимо ушей. Но слово "мир" действовало как атомно-водородная бомба, хотя их, таких бомб, тогда, еще не было. Слово "мир" сыпало радиоактивные частицы на тысячи километров от особняка Кшесинской и отравляло солдатские души, маня их бросить фронт и вернуться по домам. Никому не хотелось воевать. Армия еще держалась в силу дисциплины и чувства долга. От того и от другого освобождали солдатскую совесть ораторы с балкона Кшесинской.

Меж тем Временное правительство объявило продолжение войны. Но каким образом можно было воевать и одновременно терпеть эту проповедь, проповедь из особняка Кшесинской?

То, что без всякой помехи совершалось ежедневно около особняка Кшесинской,

показывало крайнюю слабость правительства князя Львова. Если бы что-нибудь подобное произошло во время войны с Гитлером, то Сталин расстрелял бы проповедников мира прежде, чем они успели бы вымолвить это слово. Но Временное правительство делало вид, будто оно не слышит "голос Кшесинской".

...Кажется, это было в апреле старого стиля. Государственная Дума уже не существовала как таковая. Но было созвано совершенно необычное заседание из бывших членов государственных дум всех четырех созывов. И оно открылось в Большом зале Таврического дворца. В этом торжественном заседании я с кафедры Государственной Думы рассказывал, что происходит около особняка Кшесинской...

Я обвинил людей из особняка Кшесинской в государственной измене, в измене родине.

И это была моя первая "встреча" с Лениным. Насколько я знаю, В. И. никак не реагировал на мое обвинение в измене, брошенное ему перед лицом всей России.

Но сейчас, сорок лет спустя, наедине со своей совестью, я раздумываю над тем, что он мог бы мне тогда ответить. И прихожу к выводу, что он мог бы сказать:

— Царскую Россию я не считаю своей родиной. Моя родина целый мир!

И к этому мысленно я прибавляю:

— А ведь ты, милый друг, В. В. Шульгин, прожив сорок лет со времени заседания четырех государственных дум в апреле 1917 года, и сам думаешь приблизительно так.

Я не могу сбросить с себя цепей, наложенных на меня рождением. Я еще ощущаю Россию как свою Родину. Но я сознаю, что это цепи. Я желал бы освободиться от них и быть гражданином вселенной. Другими словами, я понял и исповедую внутреннюю правду Интернационала; того самого Интернационала, который я так страстно ненавидел в 1917 году...

Старик, который на склоне лет думает так же, как и в начале своей жизни, или большой мудрец, или нечто совсем противоположное.

Он мудрец, если уже в молодости он знал такие истины, которые за его жизнь не состарились, остались неизблемыми. Это бывает редко. Гораздо чаще бывает, что человек остается при своих мнениях и тогда, когда их неправильность ему самому стала ясной; такой человек не мудрец, а упрямец...

Я был ярким националистом. Сейчас я думаю об этом предмете в двух словах нижеследующее:

Национализм имеет перед человечеством великие заслуги. Огромные дела, подвиги самоотвержения, открытия науки, творения искусства, грандиозные предприятия совершились и еще совершаются во имя нации. Но все же с началом этого века национализм является силой более разрушительной, чем созидательной. Ужасные войны XX века имеют своей основной причиной именно национализм... Зато никто не может упрекнуть меня, что, признав внутреннюю правду Интернационала, я ищу чего-то для себя...

В мае 1918 года в Киеве, тогда оккупированном немцами, много говорили о том, что через Киев будто бы прошло исключительной важности письмо от Вильгельма II к Николаю II. Царствующий германский император будто бы предлагал отречься от престола императору русскому вернуть ему престол в том случае, если он согласится санкционировать Брестский мир. Письмо будто бы дошло, и Николай II будто бы ответил:

— Скорее мне отрубят правую руку, чем я подпишу отречение от России Украины.

Через месяц после этого Николай II погиб. Легенда ли это письмо германского императора, или здесь таится нечто истинное? По моему скромному разумению, к 50-летию печальной кончины последнего русского императора, то есть к 4 (17) июня 1968 года, следовало бы рассветлить обстоятельства, при которых был убит Николай II.

Пусть эта грустная страница предстанет перед миром такой, как она была.

Я рассказал о моей первой "встрече" с Лениным у особняка Кшесинской. Примерно в это же время я получил характеристику духовной сущности Ленина от его бывшего соратника — ученого-марксиста академика Струве.

Я спросил Петра Бернгардовича:

— Что такое Ленин? Я о нем ничего не знаю кроме того, что слышал с балкона Кшесинской. Но ведь Вы должны были его хорошо знать. Ведь Вы, так сказать, с ним за одним столом сидели. Что это за человек?

Струве долго не отвечал. Он ходил по кабинету мимо меня, теребя длинную бороду. У него была эта манера. В трудных случаях он иногда долго искал подходящую оболочку для своей мысли. Но зато она, мысль, вдруг вырывалась из его уст неожиданно краткая и четкая. Так было и на этот раз. Он вдруг остановился против меня. И сказал:

— Ленин, Ленин — это думающая гильотина!

Этим он хотел выразить, что Ленин столь же умен, как жесток.

Эти слова "думающая гильотина" я не раз вспоминал при каждой новой жестокости советской власти, впрочем, только в тех случаях, когда эти жестокости можно было как-то понять, став на точку зрения наших противников...

СТАТЬЯ В "ПРАВДЕ"

Третья "встреча" с Лениным произошла при нижеследующих обстоятельствах.

Государственная Дума как законодательное учреждение уже не существовала после Февральской революции 1917 года, но члены Государственной Думы еще собирались на частные собрания для обмена мнениями. Собрания были открытые в том смысле, что отчеты о них печатались в газетах. На одном из таких собраний я сказал речь (в мае 1917 года), высказав некоторые мысли. Обращаясь к социалистическому лагерю вообще от лица тех, кого называли и называют еще буржуазией, а если выражаться точнее, от лица имущего класса, я сказал примерно следующее:

— Я знаю, что вы нас разденете. Но если этой ценой вы спасете Родину, раздевайте! Плакать не будем.

На эту мою речь отозвался Ленин в газете "Правда". Статья эта озаглавлена так: "На зубок новорожденному... "Новому" правительству". В этой статье на мой счет сказано:

"Из речи Шульгина на заседании организующейся контрреволюции (заседание членов Гос. Думы 17.V):

"Мы предпочитаем быть нищими, но нищими в своей стране. Если вы можете нам сохранить эту страну и спасти ее, раздевайте нас, мы об этом плакать не будем". Не запугивайте, г. Шульгин! Даже когда мы будем у власти, мы вас не "разденем", а обеспечим вам хорошую одежду и хорошую пищу, на условии работы, вполне вам подильной и привычной..."

Статья напечатана в "Правде", № 50, 19 мая 1917 года. Цитируется по "Полному собранию сочинений В. И. Ленина", том 20, стр. 344.

Случилось так, что эту статью я не прочел тогда же, то есть когда она появилась в "Правде".

Я узнал о ней много позже и прочел ее примерно в 1948 году в "Полном собрании сочинений Ленина". Я находился тогда в заключении, во Владимирской тюрьме.

Обещание Ленина, что большевики нас не только не разденут, а дадут нам хорошее платье и хорошую пищу, прозвучало едкой насмешкой в тюрьме, где то и другое было соответствующим нашему арестантскому положению. Но я не поставил и не ставлю Ленину этого в вину. Когда он пришел к власти, произошла гражданская война.

Еще определеннее и много выразительнее прозвучало на одном митинге (в мае 1917-го) восклицание бывшего председателя Государственной Думы Михаила Владимировича Родзянко. Он имел внушительную внешность, был головою выше среднего роста и имел могучий голос. На этом митинге один матрос, сильно разъяренный призывами Родзянко защищать родину, закричал в неистовстве:

— Тебе-то есть что защищать! А что я буду защищать, когда у меня ничего нет?!

Родзянко ответил голосом таким, как нынче рычат мегафоны, поставленные на полный ход:

— Рубашку снимите, Россию спасите!!!

Но гражданская война произошла. Она произошла не потому, что помещики хотели спасти свои имения, а потому, что они хотели спасти свою родину. Но так или иначе гражданская война произошла. Шульгины и Родзянки не легли ковриком под ноги большевикам, а боролись с ними всеми доступными им средствами. Это был их долг перед Россией и собственной совестью. Но это снимает с Ленина обязательство, данное им со страниц "Правды". Оно было произнесено в предположении, что мы согласимся работать с большевиками. Те, кто это сделал, не могут жаловаться. Граф А. Н. Толстой получил от советской власти все, что нужно человеку. Если он при этом сохранил чистую совесть, то это такое его счастье, он, значит, искренне принял большевизм. Но мы не могли этого сделать. Мы могли сделаться большевиками только спасая свои головы или ради благ мирских. Ибо душа наша большевизма не вмещала. Можно, конечно, думать, что мелкие эти наши душонки были — не поняли, что в мир пришло Великое. Пусть История нас рассудит...

Все же мне кажется, бесполезно было бы современным строителям коммунизма узнать, что именно сорок лет тому назад нас от них отвратило.

Когда слушаешь или читаешь обычные по этому поводу рассуждения, то становится обидно и стыдно. Наши тогдашние противники, как и теперешние их наследники, не знают других объяснений, почему возникла гражданская война, как только то, что озлобленные помещики продались иностранным интервентам. Им в голову не приходит, что за имения, хотя бы и дорогие сердцу, не отдают жизни своей и жизни своих сыновей, погибших в бесчисленных боях. Это что касается помещиков. Но их число в Белой армии было невелико и даже просто ничтожно. Так называемая Добровольческая армия на 57 процентов состояла из низового народа, из казаков. Остальные были офицеры и интеллигенты, как общее правило, не имевшие ни кола ни двора.

ИМЯ РУССКОЕ

Принципиальная защита собственности как института, на котором стоит мир, несомненно, входила в концепцию Белых.

Еще более ими руководили свободолюбивые чувства. Царская Россия за 10 лет Государственной Думы достигла такой политической свободы, которая просто кажется невероятной нынешним гражданам Советского Союза. Но если бы они могли прочесть стенографические отчеты Государственной Думы и газеты того времени, это стало бы им ясно. Диктатура пролетариата отбросила нас примерно ко временам Иоанна Грозного. Либеральная интеллигенция, не примкнувшая к большевикам, ответила на рецидив деспотизма восстанием.

Защита собственности и вольнолюбие были немаловажными причинами Белого движения. Но оно стало на ноги и окончательно оформилось, когда был заключен Брестский мир.

Есть еще и Россия! — говорил Деникин.

В этом деле и я принял посильное участие. И это была еще одна "встреча" с Лениным.

Еще в апреле 1917 года из особняка Кшесинской Ленин провозгласил независимость Украины. В это время еще сами украинствующие, в лице самого видного своего вожака, ученого, профессора и политического деятеля Михаила Грушевского, говорили только об автономии(2).

Прошло менее года (февраль 1918 года), в Бресте подписывали "похабный мир". И вот за столом, где обсуждались его условия, сидели рядом как представители трех держав немецкие генералы, послы России и Украины. Именно Брестский мир, создавая и санкционируя рождение нового государства, Украины, одновременно зачеркнул дело Богдана Хмельницкого, воссоединившего северное и южное племя единого русского народа.

На Брестской бумаге писалось "независимая" Украина. На самом деле никакой независимости Украина не получила, а просто была отдана немцам, которые немедленно ее и

оккупировали.

Позор "похабного мира" (выражение самого Ленина) мы не вынесли. И возмущение этим деянием стало главной причиной гражданской войны. Белая армия подняла над собой знамя "Единая Россия". В этом деле есть и моя капля меду; не меду, а желчи, смешанной с кровью. С детства я читал на величественном памятнике работы Микешина, стоявшем посреди Киева, против собора XI века, знаменовавшего величие древней Киевской Руси, читал я надпись:

Богдану Хмельницкому единая, неделимая Россия.

С другой стороны памятника были слова:

Волим (хотим) под царя Восточного Православного!

Эти слова были решением Переяславской Рады (казацкого народного собрания) от 8 января 1654 года. В этот день раздалась всенародная молитва:

— Боже укрепи, Боже утверди, чтоб мы всегда едины были!

И вот это дело наших предков, коим Московия превращена была в Россию, ибо из Киева "пошла и стала есть Русская Земля" и без Киева, "матери городов русских", не может быть России, это дело Ленин рушил и отдавал нас императору Вильгельму.

Юг восстал против Севера, потому что Север изменил не только государству Российскому, но изменил самому русскому народу. Мечта поляков убить русское могущество, оторвав от единого русского народа его треть, перекрестив оную в украинцев, совершилась на наших глазах под водительством немцев.

За что боролся Богдан Хмельницкий?

Он сказал, открывая Переяславскую Раду 1654 года:

— Враги наши хотят, чтобы самое имя русское не произносилось в нашей земле.

Хмельницкий боролся за имя русское. Мы, его духовные наследники, воскресили его лозунги, и в этом был возвышенный и пламенный смысл Белого движения.

Сохранить имя русское и единство русского народа.

Нас не поняли и покрыли клеветой наши стремления. Поняли ли мы большевиков?

В этом смысле, быть может, интересна одна страница из моей же собственной книги "1920 год". В главе "У Котовского" я описываю, как мы шли по улице города Тирасполя в качестве пленных, но свободно. Никто нас не трогал. Но могли все же задержать.

"Действительно, к нам подошел патруль или что-то в этом роде. Во главе был молодой офицер не офицер, словом, человек весь в кожаном. Но лицо у него было симпатичное. Я почувствовал, что надо взять инициативу, и предупредил его вопрос.

— Товарищ, не хотите ли поменяться на мою бекешу?

Бекеша была у меня очень недурна. Он окинул меня взглядом и ответил:

— А вам, наверное, надо штатское пальто... У меня есть, вам подойдет... черное...

Идите со мной.

Мы пошли по улицам. День был теплый, и солнце ласково грело. Не помню, как начался разговор. Он сказал:

— Как мы все довольны, что товарищ Котовский прекратил это безобразие...

— Какое безобразие? Расстрелы?

— Да, мы все этому рады. В бою это дело другое. Вот мы несколько дней тому с вами дрались... еще вы адъютанта Котовского убили. Ну бой, так бой. Ну, кончили. А расстреливать пленных — это безобразие...

— Котовский хороший человек?

— Очень хороший... И строго приказал. И грубость не разрешает... Меняться — это можно... У меня хорошее пальто — приличное.

Не знаю почему, разговор скользнул на Петлюру. Он был очень против него

восстановлен.

— Отчего вы так против Петлюры?

— Да ведь он самостийник.

— А Вы?

— Мы... Мы за Единую Неделимую.

Я должен сказать, что у меня, выражаясь деликатно, глаза полезли на лоб. Три дня тому назад я с двумя сыновьями с правой и левой руки, с друзьями и родственниками, скифски-эпически дрался за Единую Неделимую именно с этой дивизией Котовского. И вот, оказывается, произошло легкое недоразумение: они тоже за Единую Неделимую".

(Шульгин В. В. 1920 год. Очерки. Российско-Болгарское книгоиздательство. — София, 1921, стр. 102, 103).

Однако с внешней стороны в 1918 году все было, в наших глазах, против Ленина. Он как будто точно выполнял предначертания немцев. Разложив русскую армию и по Брестскому миру создав независимую Украину, он отдал ее Германии, то есть сделал то, чего немцы добивались, что было целью их похода на Россию. Мудрено ли, что, наши союзники, англичане и французы, приняли Ленина просто за немецкого агента. И это тем более, что план расчленения России на республики был немецкой выдумкой. По крайней мере у меня в руках была географическая карта, изданная в Вене, где эти республики, числом десять, были обозначены. Эта карта появилась до революции, она была отпечатана примерно в 1916 году. Таково же было содержание листовок, которыми немецкое командование забрасывало наши окопы. Все эти летучки были впоследствии напечатаны отдельной книгой, вышедшей в Киеве. Там говорилось:

— Без отделения Украины от России никогда не удастся нанести такого сокрушительного удара, чтобы эта азиатская держава перестала угрожать Европе.

Существует юридическая формула: *Qui prodest?* Смотри, кому выгодно. Кому было выгодно все, что делал Ленин? Вся видимость вопияла всеми голосами: немцам!

Отсюда вывод был ясен. Мы этот вывод сделали и расценивали Ленина соответственно. Могло ли быть иначе?

Могло. Видимость может вводить в заблуждение. История показала, что Ленин не был тем, чем мы его считали, то есть исполнителем немецких предначертаний. Он имел правильное предчувствие, что "похабный мир" не удержится, так как французы, англичане и американцы разобьют немцев и без помощи России. Обязательств же перед нашими союзниками Ленин не имел. В этом была существенная разница. Для нас сепаратный мир был бы изменой своему слову. Для Ленина — нет. Он слова не давал.

Теперь, более спокойно взглядываясь в прошлое, я начинаю думать, что все произошло, как надо.

Белые спасали "имя русское" по завету XVII века. И старались уберечь это русское имя от порухи его чести перед лицом XX века. Поэтому они и назывались Белыми.

Красные смотрели более реалистически. Не связанные никакими понятиями о национальной чести, они занялись другим. Они прекратили международную бойню на русском фронте.

Русское имя вследствие этого временно пострадало, но много русских жизней было спасено.

В награду за наши труды судьба даровала нам, как говорят французы, вкусить "горький хлеб изгнания". Но этот горький хлеб был помазан неким медом. Медом этим была чистая совесть. Это тоже кое-что. Быть может, мы ошибались, но поступали добросовестно.

Красные в награду за свои труды получили в свое распоряжение одну шестую часть суши, на которой они на свой манер прославили имя русское, и, пожалуй, так, как никогда раньше.

Лорд Керзон, в общем не любивший русских, писал о них, примерно, следующее:

— Русские превосходные колонизаторы, добродушнее победителей обезоруживают побежденных, и потому между теми и другими устанавливаются отношения, которые нам,

англичанам, не удавались(3).

Лорд Керзон говорил о Царской России. Мне трудно судить, продолжает ли Советская власть царскую традицию в смысле добродушия. Если это так, то все же рассчитывать на благодарность народов слишком оптимистично. Может быть и обратное. Положение Советской власти будет затруднительное, если, в минуту какого-нибудь ослабления центра, всякие народности, вошедшие в союз Российской империи, а затем унаследованные СССР, будут подхвачены смерчем запоздалого национализма. Все они тогда начнут вопиять, призывая небеса во свидетели, что они требуют только того, что поощряла Советская власть, когда дело не касалось ее самой.

— Колонизаторы, вон из Украины! Вон из Крыма! Вон из Грузии! Вон с Кавказа! Вон из Казахстана! Узбекистана! Татарии! Сибири! Вон, колонизаторы, из всех четырнадцати республик. Мы оставим вам только пятнадцатую республику, Российскую, и то в пределах Московии, набегами из которой вы захватили полсвета!..

Идет борьба за гегемонию на земном шаре. За первое место!

Эта претензия быть первыми имеет свое основание в том случае, если мы первые не только потому, что нам этого хочется, а и по существу дела.

Н. С. Хрущев однажды сказал крылатое слово.

— Если у нас будет самая счастливая жизнь на земном шаре, то надо быть идиотом, чтобы от этого самого лучшего порядка отказываться!

Это как будто правильно. Если я говорю "как будто", а не просто правильно, то потому, что "идиоты", вероятно, все-таки будут.

И на поверку еще и окажется, что они не совсем идиоты. Дело в том, что определение, каков же лучший порядок, не так-то легко дается. И можно поставить вопрос: есть ли, или лучше сказать, может ли быть лучший порядок одинаковый для всех? Поговорка недаром говорит:

— Что русскому здорово, то немцу смерть!

Вернемся к "опыту Ленина".

Мое мнение, сложившееся за сорок лет наблюдения и размышления, сводится к тому, что для судеб всего человечества не только важно, а просто необходимо, чтобы коммунистический опыт, зашедший так далеко, был беспрепятственно доведен до конца.

Может показаться странным слышать такие речи из уст убежденного сторонника индивидуализма. Но если поразмыслить, то именно так, как я говорю, я и должен говорить... Но я ведь не сверхчеловек, как все большие реформаторы. Я не пошел бы на такой опыт, по крайней мере не положил бы русский народ на стол под нож экспериментатора. Но вышло не по-моему. Опыт начали, опыт продолжается. И экспериментаторы утверждают, что если им не будут мешать, то, примерно, через сорок лет мирного существования они действительно осуществят рай на земле, который они обещали тоже сорок лет тому назад.

Отношение ко всему происходящему сейчас в мире должно определяться тем, чего надо желать: беспрепятственного продолжения опыта Ленина или его насильственного прекращения.

Я твердо стою за продолжение опыта с тем, чтобы довести его до конца.

Великие страдания русского народа к этому обязывают. Пережить все, что пережито, и не достичь цели? Все жертвы, значит, насмарку?

Нет! Опыт зашел слишком далеко...

Черногорец не терпит над собой инокровной власти. Бедный до невероятия, он века просидел на своей бесплодной Черной Горе, но ни султаны, ни сам Наполеон не могли этими непреклонными горцами овладеть, как и орлами в небесах.

Черногорцы. Что такое? —

Бонапарте спросил.

Говорят, что племя злое Не боится наших сил!

Русский иной. Жители равнин, открытых для всяческих нашествий, русские должны были склоняться перед неодолимой силой вроде монголов. Они должны были вытерпеть

татарское иго, продолжавшееся 250 лет. В этих испытаниях русские выработали удивительную живучесть и приспособляемость. И потому они явились прекрасным материалом для постройки "системы без свободы". Не случайно, что коммунизм строит на наших просторах, а не в Англии, например.

В данном случае Карл Маркс, по-видимому, ошибся. Он мыслил, что коммунизм придет как следствие развитого капитализма, изжившего самого себя в своих собственных противоречиях. Страной развитого капитализма была в ту пору Англия; Маркс, вероятно, думал, что Англия покажет пример и первая сделает коммунистический опыт. Но на поверку вышло иначе.

Россия, а не Англия оказалась подходящей почвой для выращивания социализма коммунизма, и Ленин, который отнюдь не англичанин, начал грандиозный опыт, длящийся уже сорок лет...

Некоторые явления уясняются только при продолжительном их наблюдении.

Славянофилы сто лет тому назад провозгласили свое учение.

Православие! Самодержавие! Русский народ!

Вот три кита, на которых, по их мнению, стоит русская земля. Они могли бы прибавить и четвертого: поземельную общину. Славянофилам казалось, что общинное землевладение есть природная особенность славян, которой они отличаются от других рас. В этом русских славянофилов поддерживал Мицкевич, знаменитый польский поэт.

Славянофилов взяли в штыки. Их Опровергли, осмеяли и сдали в архив истории. Но вот прошло сто лет. И если внимательно присмотреться к тому, что творится ныне на святой Руси, то невольно приходишь к выводу:

— А ведь славянофилы кое в чем были правы!

Как так? Ведь они проповедовали примат Православия! А православие еле терпите в Советском государстве. Одинокие церкви, где идет служба Божия, маячат среди, с множества других, превращенных в музеи в лучшем случае. Обыкновенно же церкви отданы под склады всякой всячины, а иногда в церковных зданиях помещаются хлев. Можно ли такое положение считать торжеством православия?

Конечно, нет. Но можно взглянуть на дело немного глубже, с несколько иной точки зрения.

Что такое православие? Это религия. А что такое религия? Религия — это вера. Религиозное устремление — это потребность души человеческой в вере.

Все явления жизни можно осваивать либо рассудочно, либо с помощью веры. Славянофилы, обозначая православие как первый устой для России, хотели сказать, что в русской душе заложена глубокая потребность в вере. И это оправдалось.

Верить можно в разное. Существует на свете бесконечное число религий. Он верят в разное и по-разному. Но общее у всех религиозных людей — это потребность верить. Верить не рассуждая.

Что же произошло в наши дни? Произошла перемена в отношении объектов веры.

Пусть в толще своей русский народ перестал верить в Бога и Иисуса Христа, сын Божия. Но потребность в вере в его душе осталась...

Атеизм русского народа — это вера, чистейшей воды вера. И поэтому этот атеизм носит в себе признаки веры: нетерпимость к другим верам, потребность искоренять их, глумиться над ними. Это происходит из глубокого убеждения, что только она, вновь обретенная вера, истинна. Поэтому хочется лежать перед ней во прахе и, если нужно, умереть за нее.

Кто вдумается в происшедшее, должен будет признать, что русские народные массы восприняли материализм религиозно...

И верят. Иначе быть не может. Есть люди и целые народы, которым необходимо верить. Таковы русские.

Как бы там ни было, крушение православия в России показало, что русский народ не может быть без веры. Вместо одной появляется другая. И потому правы был славянофилы,

когда они выдвинули религию как первый устой русского мировоззрения.

Самодержавие. Это второй член славянофильского символа веры.

В январе 1926 года, приехав в Ленинград и выйдя из здания вокзала, я увидел на площади монументальный памятник императору Александру III. Подойдя ближе, прочел надпись:

Мой сын и мой отец народом казнены.
Но я пожал удел посмертного беславья:
Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Навеки? Как люди могут ошибаться. Но я тогда еще не знал этого наверное. Поэтому я разразился экспромтом, продиктованным мне божеством. Если бы я знал тогда то, что я знаю теперь, я только улыбнулся бы.

Впрочем, я кое-что уже предугадывал тогда и даже несколько раньше. В книге "1920 год"... А впрочем, это не важно, что мне тогда мерещилось. В общем, я предчувствовал появление нового самодержавца Всероссийского... Мне кажется, что в 1927 году он уже и родился. И с этого времени единодержавие Сталина росло и крепло и наконец достигло силы почти сказочной. Трудно найти в истории со времен Чингисхана властителя более могущего и абсолютного. Французский король Людовик XIV говорил про себя:

— Государство — это я!

В его устах это была звонкая фраза, но если бы эти слова повторил Сталин, то это была бы сама действительность. Если Сталин наморщил брови, то это могло означать смерть многих людей и даже целых народов. Если Сталин улыбнулся, то мог пролиться дождь милосердия. Если он задумался, то это могло быть рождением всяких начинаний, вплоть до перемены географии и климата.

По мановению вождя появлялись озера, каналы, моря и вырастали как грибы после дождя миллионные города. Пирамиды фараонов, в свое время бывшие чудом единовластия, повторились при Сталине в ином виде, но в более грандиозных размерах. Была создана колоссальная военная промышленность, благодаря которой была отбита грозная атака Гитлера. В этой войне самодержавие Сталина достигло своего апогея, высшей точки. Разумеется, превосходные планы русских генералов и природное боевое могущество русского народа для меня вне сомнения. Но без исконной способности обожать своего монарха и повиноваться ему беспрекословно, каковую способность Сталин сумел воскресить в русском народе, Россия не выдержала бы удара Германии.

Это обожание Сталина и каменную веру в него я ясно мог ощутить, когда страна, где я жил (Югославия), была оккупирована, и я три месяца провел в ближайшем соприкосновении с советскими войсками. Да простят меня, но это воинство по внешнему виду мало походило на дисциплинированную армию вроде немецкой. Оно скорее напоминало некую восточную орду, стихийно заливающую страну. Но эта орда была оснащена тщательно подготовленной техникой, и вел ее вождь, в которого эти люди безоглядно, свято верили и готовы были за него лечь костями.

Объявив войну с Гитлером "отечественной", то есть заимствовав это название от войны 1812 года, войны с Наполеоном, Сталин окончательно стал в позу Александра I, императора Всероссийского. Таким образом, самодержавие, то есть соединение всей власти в одних руках, еще раз сыграло великую роль в истории русского народа...

Торчу здесь пугалом чугунным для страны,
Навеки сбросившей ярмо самодержавья.

Навеки! Вечность длилась десять лет. Бедный Демьян Бедный. Это он составил издевательскую надпись для памятника Александра III. Но судьба, злая насмешница, посмеялась над плохим пророком.

Самодержца забыли. А само самодержавие? Перешло ли оно к кому-нибудь другому

или, по Демьяну Бедному, на этот раз действительно сброшено навеки?

Не знаю. Но вряд ли. Ведь его причина душа человеческая. Не думаю, чтобы в русских душах пропала потребность подчиняться одному обожаемому. Она, эта потребность, образовалась в течение веков и, может быть, веками будет изживаться.

Самодержавие сейчас существует потенциально. Оно таится в руках того или тех, кто после 25-летнего идолопоклонства заставили народ в пять лет забыть совершенно о предмете своего обожания. Оно, это скрытое самодержавие, понимает, что русская душа не терпит, пустоты, что она должна кого-то обожать. И потому народу указали, перед кем надо преклоняться...

— Ленин!

Пока обстоятельства не потребуют живого самодержавца, хорошо обеднять души человеческие в культе мертвого. Это правильно. Ленин своим загробным авторитетом оправдывает и осеняет дела живых.

Но если обстоятельства изменятся, появится, надо думать, самодержавец живой! В культе Ленина не найдешь ответа на некоторые, самые животрепещущие вопросы. Мертвый не может объявить, а тем более вести войну.

А ведь мы живем до сих пор "на грани войны".

По всем этим вышеизложенным причинам и обстоятельствам я думаю, что славянофилы были правы, когда вторым членом своего символа веры они обозначили самодержавие, точнее было бы сказать единодержавие, как говорил знаменитый историк Ключевский. Он думал так: единодержавие было бы наилучшей формой правления, если бы не случайности рождения.

Этим он хотел сказать, что наследственное единодержавие наталкивается на подводный камень, когда на престол вступает неспособный правитель только потому, что он сын своего отца.

Но в наше время самодержавцы всходят на незримый свой престол не в силу рождения, а в силу своих личных качеств. Они, так сказать, сами зарабатывают свою невидимую корону. Поэтому для наших дней "если бы" Ключевского отпадает.

СУДИЛИЩЕ

*Не разойтись уж нам без встречи роковой.
"Пиковая Дама". Пушкин. Чайковский*

Мне кажется, что я могу приступить к моей последней "встрече" с Лениным.

Она происходит сейчас. И это роковая встреча. Роковая для меня. Я чувствую: или мы как-то сговоримся...

Сговориться! Сговориться с покойным?

Для меня загробная жизнь — реальность. Ленин жив. И я иногда вижу его во сне.

На такое заявление кто улыбнется, кто рассердится. Но я не могу изменить совершенно реального факта: я вижу иногда Ленина во сне. Это так же верно, как то, что я никогда не видел его наяву.

И мне надо с ним сговориться. Не для него, а для себя. Он великий человек, а я ничто в смысле следа, который я оставляю в этом мире. Но в смысле естественных прав человека мы равны. К естественным правам человека я отношу и право на чистую совесть, право ощущать себя неправым.

После Бога самая великая сущность существования — это диавол. Желательно было бы оказать справедливость и тому, кто был денницей, то есть первым архангелом, а потом стал бесом. Но невозможно, на мой взгляд, будучи человеком, судить о делах ангельских, хотя это делали Байрон и Лермонтов.

Но я поставлен своею совестью в такое положение, что мне необходимо дать самому себе отчет, как я отношусь к Ленину, которого одни считают величайшим из людей, а другие

называют антихристом, то есть сатаной.

Последний сон, который я видел о Ленине, был несколько месяцев тому назад, если не год. Он был такого содержания, что потребность определить свое отношение к Ленину стала неотступной. Этот сон можно считать вещим, пророческим, так как он сейчас сбывается. Короткий был это сон, но многозначительный.

Где-то, в незнакомом мне помещении, но слегка напоминавшем залу суда, где меня самого судили в Киеве, должен был состояться новый суд. На трибуне уже сидел судья. Справа от него на кафедре стоял прокурор, обвинитель. Но слева, где место защитника, было пусто. В местах для публики, кроме меня, не было никого.

Вдруг в залу вошел Ленин. Он прямо подошел ко мне. Сказал:

— Не хотите ли быть моим защитником?

Я понял, что здесь будут судить именно его, Ленина. Я посмотрел на пустое место слева от судьи. И понял, что у Ленина нет защитника. И ощутил, что так нельзя. Невозможно судить человека, у которого нет защитника. А сам он не мог, то есть не должен был защищаться, ведь никто не судья в своем деле. И я без колебания ответил:

— Хочу.

Если бы я принадлежал к благородному сословию поэтов, о которых Пушкин сказал:

Тьмы низких истин нам дороже
Нас возвышающий обман... —

то здесь сфальшивил бы. Я изложил бы дальнейшее, как продолжение моего сна; так было бы эффектнее. Но в таком деле, как настоящее, когда человек обыскивает самые затаенные уголки своей совести, не должно быть никакой подрисовки. Поэтому я должен честно сказать, что после того, как я сказал Ленину "хочу", я проснулся. Несносное свойство снов (моих), иногда обещающих много, что они почти всегда прерываются на самом интересном месте.

Итак, обещание, данное мною Ленину во сне, во сне не было исполнено. Поэтому я хочу быть его защитником не в загадочном состоянии сна, а наяву, то есть в полном сознании, или, как говорят иногда, в здравом уме, в твердой памяти.

Но все же, чтобы покончить с этим сном, я хотел бы ответить на естественный вопрос: почему у Ленина не было защитников?

Говоря о загробном мире, Христос выразился так:

— У Отца моего обителей много.

Этим, вероятно, давалось понять, что души умерших не находятся все вместе. Там, где хотели судить Ленина, была обитель душ, ставших жертвой "опыта Ленина". В этой обители у Ленина не нашлось защитника.

Прокурор, обвинитель, бросил на чашу весов правосудия все, что говорило против Ленина. Он говорил долго, я изложу его речь в сжатом виде.

Он вменил Ленину в вину государственную измену. Все деяния, которые были в пользу противника. Разложение армии, деградирование офицеров, фактическое уничтожение русского фронта.

С особой силой обвинитель обрушился на проповедь сепаратного мира. Ленин не только сам изменил своей родине, он требовал, чтобы изменником стал весь русский народ, запятнав свою национальную честь. Требовал, чтобы Россия нарушила свои обязательства перед союзниками, отступила от торжественных своих обещаний. И получив власть, он, Ленин, заключил Брестский мир, который был понят союзниками и особенно Францией именно как измена. Ведь Франция, объявив войну Германии, поступила так во исполнение своего договора с Россией о взаимной помощи в случае нападения. Она воевала честно и верно, несмотря на то, что потери Франции, пропорционально численности населения, были гораздо тяжелее, чем потери России.

— Брестский мир! — восклицал прокурор. Ведь это было как раз то, что ставила себе

целью Германия. В апреле 1917 года, еще не получив власть, Ленин объявил независимость Украины. Это было сделано для того, чтобы в январе 1918 года представители Украины могли заключить мир с немцами наравне с представителями России. Немедленно после заключения этого мира между Германией и Украиной последняя пригласила немцев занять ее территорию.

Таким образом, Брестский мир отодвинул русский народ ко времени Богдана Хмельницкого, то есть на триста лет назад. Тогда Россия северная была только Московской. А Россия южная, Малая Русь, была под властью поляков. По Брестскому миру поляков сменили немцы, осуществившие польскую мечту "от моря до моря". Вот славные деяния Ленина.

Чаша, на которую прокурор бросил все это, пошла вниз. Это были тяжелые обвинения.

Но прокурор продолжал. Ленин, прекратив войну внешнюю, перевел ее в войну гражданскую. Зазвучали лозунги:

— Грабь награбленное. Смерть буржуям!

Ленин сказал:

— С буржуазией надо не бороться, уничтожать ее надо!

Поистине прав был бывший соратник Ленина, академик Струве, когда он назвал его:

— Думающая гильотина!

И прокурор приводил бесконечный список казненных, заключенных и бежавших в белый свет людей, ограбленных до нитки. Этот список начинался императорской фамилией и служителями церкви, затем перечислял офицеров, от генералов до прапорщиков, помещиков-дворян и помещиков недворян, купцов, промышленников, интеллигентов всяческих видов и занятий, чиновничество и либеральные профессии. Список безмерно пополнился труженниками хлебобобовыми. Этим за то, что они меньше пьянствовали и много работали, почему и стали зажиточными, обозвали кулаками и уничтожили.

— Нужны ли были все эти жестокости? — спрашивал прокурор.

Император, который был виноват только тем, что родился наследником престола, не имея царских качеств, когда он окончательно убедился в том, что знал с самого начала, то есть что он не может править Россией, отрекся от трона. Оставив власть, он не проявлял никакого желания ее себе вернуть.

Почему надо было его убивать со всей семьей?

Буржуазия? Буржуазия, поскольку она представляла имущие классы, устами председателя Государственной Думы Родзянко, заявила:

— Рубашку снимите, Россию спасите!

Буржуазия соглашалась на "грабь награбленное" во имя Родины. Ужели этих людей надо было считать классовым врагом?

Нет! Струве ошибся. Ленин был не думающая гильотина, а просто гильотина, жаждущая крови человеческой!

И обвинитель водрузил на чашу весов правосудия два сосуда, вмещавших моря. Оба были сделаны из чистейшего хрусталя. И сквозь его беспорочную прозрачность видно было содержимое сосудов. В одном было море крови, в другом море слез.

Под тяжестью этих сосудов чаша обвинения угрожающе пошла вниз. Лицо судьи стало суровым.

И вот он обратился ко мне:

— Защитник, ваше слово.

Мое положение было трудным. Кровь, дымясь красным дымом, взывала об отмщении. От слез поднимался беловатый пар. Он, поднимаясь и расширяясь, становился прозрачным серебристым облаком. Это была скорбь душ, переживших убиенных.

И я не знал, как мне начать. Вдруг меня осенила мысль, воспоминание. Но, сильно волнуясь, я смог только закричать одно:

— Анания!

Судья внимательно посмотрел на меня и сказал:

— Успокойтесь и объяснитесь.

Я сладил с волнением и стал говорить.

Мое первое слово будет к тем, кого здесь нет в этом зале. Но они, жертвы опыта, начатого Лениным, там, за стенами; и оттуда они видят и слышат. Я обращаюсь к тем из них, кто горделиво почитали себя христианами. Из них многие читали книгу, озаглавленную "Деяния Апостольские". В ней среди другого повествуется, как община первых христиан хотела устроить жизнь согласно учению Христа. И состоялось решение, что у верующих в него будет все общее. И вот каждый, приходя к апостолам, заявил обо всем, что у него есть. И среди других пришел некто Анания со своей женой. И они не показали всего, что у них было. Они утаили часть своего имущества. И когда ложные показания были произнесены, апостол Петр сказал:

— Анания, ты солгал не людям, а Богу!

И тотчас же Анания со своей женой пали мертвыми к ногам апостола.

Таким образом первая же попытка устройства коммунизма омрачилась смертной казнью. И апостол Петр, лично знавший Иисуса Христа и кротость его; тот самый Петр-Симон, к которому были сказаны слова "взявший меч от меча и погибнет", когда Петр хотел оружием защищать своего учителя, этот самый Петр заблудился еще раз. Он признал казнь Анания оправданной, приписав ее Духу Святому.

Это заблуждение, эта ошибка апостола Петра имела роковые последствия. Вдохновляясь этим примером, позднейшие христиане, не дожидаясь вмешательства св. Духа, сами, своими человеческими руками сжигали на кострах святой инквизиции и казнили другими способами множество людей, которых они так или иначе признавали виновными против Бога. "Для вящей славы Божьей" это делалось и этим оправдывалось.

Если так заблудились святой апостол Петр и тысячи и миллионы людей после него, истребляя друг друга с именем Христа на устах, то при свете этих страшных факелов истории иную оценку должны получить деяния Ленина. Мы должны взглянуть на них спокойными глазами людей помнящих: помнящих печальное прошлое всех времен и народов.

Эта кровь и эти слезы, что положены на чашу обвинения, вопиют к небу. Но если положить на чашу защиты все, что было до Ленина, то деяния его покажутся легкими в сравнении с той кровью и теми слезами, которые пролили наши предки и наши современники во имя сомнительной односторонней правды, которую они, однако, считали непрекаемой истиной.

Когда я это сказал, чаша обвинения перестала опускаться. Кровь и слезы, пролитые только одними христианами во имя Христа, учение которого они всегда извращали или просто не понимали, весили безмерно. Я продолжал:

— Из того, что другие лили кровь, не следует, конечно, что кровь, пролитая Лениным или во имя опыта Ленина, праведна. Но из этого следует, что мы, все мы, что забрызганы кровью, пролитой нами или нашими духовными предками, не можем, не должны, не смеем судить Ленина так, как будто мы сами безгрешны и руки у нас белоснежные.

Не я ли в Государственной Думе защищал необходимость применения смертной казни против революционеров, которые присвоили себе право убивать неугодных им лиц, вынося им свои приговоры в подпольных своих судилищах?

Да, я. И потому я не имею права, рассуждая по справедливости, бросить камень в Ленина. Я помню, как Христос остановил евреев, желавших казнить грешницу, словами:

— Кто из вас без греха, пусть первый бросит в нее камень.

Безгрешного не нашлось, и обвинители, убедившись, отступили.

Так должен отступать каждый, кто применял смертную казнь или, как я, ее одобрял.

И в особенности надо помнить, что произошло, когда христиане пытались ввести коммунизм, то есть случай с Ананием. Соблазн вводить коммунизм путем террора так, видно, силен, что заставляет людей во имя Христа отречься от Христа.

В Христовом учении содержится коммунизм и любовь к людям. Кто отказывается от

коммунизма, отрекается от Христа. Но также отрекается от Христа тот, кто во имя коммунизма оправдывает смертную казнь. Христос там, где коммунизм соединяется с любовью, кроткой любовью.

Но Ленин не был христианином, не веровал в Христово учение, а потому он от Христа не отрекался. С этой точки зрения кровь, пролитая им, приравнивается к крови, проливаемой язычниками. Язычники, любящие кровь человеческую, менее виновны, чем христиане, когда они поступают так же. Ибо кроме жестокости они виновны в лицемерии. О таких Христос, говорил:

— О род лицемерный, порождение ехидны!.. Вы подобны гробам. Сверху они раскрашены пышно, а внутри мерзость.

Обо всем этом надо вспомнить нам, когда мы безоговорочно, закусив удила и закрыв уши, осуждаем Ленина за кровь. Лучше ли мы сами?

Я посмотрел внимательно в лицо судьи. Оно стало задумчиво. Он сказал:

— Продолжайте.

— Обвинитель очень сильно говорил о Бресте, о Брестском мире. Сорок лет тому назад я думал, говорил и писал то же самое. Теперь я признаю, что можно рассудить и иначе.

Представим себе, что Ленин стал бы на нашу точку зрения:

— Война до победного конца!

Примем во внимание, что Февральская революция имела своей главной причиной утомление от войны. На этой почве Государственная Дума поссорилась с Коронай. Монархия пала. В то мгновение, когда это случилось, сломалась ось, вокруг которой крутилось русское колесо. И все развалилось. Колесница безнадежно стала, мало того — увязла в болоте анархии. Как я теперь понимаю, продолжать войну было безумием. Пусть это безумие продиктовано было высокими чувствами, но все же это было безумие. Фактически войну уже нельзя было продолжать. Февральская революция была военным мятежом в столице, который передался на фронт. Известно, что для подавления этого мятежа с фронта была снята одна из лучших дивизий и послана на Петроград. Но она взбунтовалась по дороге. Взбунтовался также и личный конвой Государя, два батальона, состоявших исключительно из георгиевских кавалеров. Он тоже был отправлен на усмирение под командой популярного генерала Иванова.

Временное правительство пыталось овладеть фронтом. Но наше наступление 18 июня 1917 года, вдохновляемое лично Керенским, кончилось позорным бегством наших войск. Россия ужаснулась, узнав о безобразиях, учиненных бежавшими солдатами под Калишем.

Утомление войной сказалось уже раньше. В 1916 году нам было доложено в Особом Совещании по обороне цифры наших потерь и потерь противников. Наши потери, по немецким подсчетам, исчислялись в восемь миллионов убитых, раненых и пленных. Цифра сдавшихся в плен была очень велика. Потери противника были четыре миллиона. Немцев-германцев было у нас в плену 300 тысяч, но австрийцев неизмеримо больше. Это были главным образом славяне, не желавшие воевать с Россией. Но и русских солдат было в плену у противника чрезвычайно много. Это был серьезный показатель.

Война была ошибкой. Нельзя было посылать русских пахарей на смерть ради суверенитета Сербии и за наш престиж на Балканах. Для безграмотных людей суверенитет и престиж были понятия совершенно непонятные. И это сказалося.

Надо сказать, что посылать разложившуюся русскую армию против армии немецкой, не потерявшей дисциплины, — это уже нельзя было назвать войной. Если бы наши пошли, это означало бы их истребление.

Сохранился (он был в немецких газетах) рассказ одного немецкого офицера. Он говорил:

— Русские иногда предпринимали разрозненные, беспорядочные, а потому безнадежные попытки идти на нас. Однажды мне пришлось видеть в бинокль то, что я сначала не понял. Несмотря на наш сильный огонь, они приближались, делая перебежки согласно правилам наступления. Перебежав, они ложились, как полагается. Но мы заметили,

что перед каждой новой перебежкой, лежа, они подымали одну руку. Сделав это, вскакивали и делали новую перебежку. И, наконец, мы поняли. Несчастные голосовали! Поднимая руки, они решали, делать ли новую перебежку. Если было большинство, они ее делали.

Немецкий офицер добавляет, что эти голосующие под огнем пулеметов и находившие до известного времени большинство, были несомненные и даже удивительные герои. Но каждый понимает, что голосующая армия воевать не может.

Поэтому найдем в себе мужество признать, что после Февральской революции воевать "до победного конца" было утопией. Можно было только добиваться "похабного конца".

Ленин взял на себя этот позор. И он не скрывал ни от самого себя, ни от своих союзников, что такое Брестский мир. Ведь выражение "похабный мир" ему и принадлежит.

Но под этой "похабностью", рассуждая спокойно, можно разглядеть нечто, что могло оправдывать потерю Россией своего Юга. И это нечто — это кровь человеческая. Каков бы ни был этот мир, но он прекратил бойню на русском фронте, сохранив много жизней. Это как будто бесспорно.

— Нет! — говорят. — Бойня не прекратилась. Ленин перевел внешнюю войну в войну гражданскую. Он сделал это сознательно, и это его вина.

Но и наша также. Ведь мы также могли взять на себя позор Бреста. Некоторые из нас так и поступили. Когда генерал Скоропадский со своими сторонниками принял предложение немцев и был ими посажен в качестве гетмана на Киевский престол, он стал фактически верноподданным императора Вильгельма II, на положении вассала. И его светлость отбыла в Берлин представляться его Величеству.

Что произошло в душе этого человека, я имею в виду Скоропадского? Он пережил то же самое, через что позднее во вторую мировую войну прошел национальный герой Франции маршал Петен. Последний подписал мир с Гитлером на самых унижительных для Франции условиях. После разгрома Гитлера Франция присудила Петена к смертной казни, но ее заменили, ввиду его прежних заслуг, пожизненным почетным заключением.

Бывает, что человек топчет свою душу во имя ценностей более высоких. Такое духовное самоубийство может быть подвигом.

Об этом говорил Керенский на Всероссийском собрании в Москве в августе 1917 года в таких словах:

— Я растопчу цветы своего сердца, но я спасу Революцию и Россию!

Но не сказал, что он разумеет под "цветами своего сердца". Несколько месяцев тому назад по его предложению была отменена смертная казнь. Но всячески безобразия, которым предалась часть народа и армии, потеряв узду над собой, поселили в душе Керенского тяжелые сомнения. Он старался действовать убеждением, он верил в силу слова, и его в насмешку называли "главноуговаривающим", а его метод управления "керенщиной". Он понял справедливость этих стрел. Понял эфемерность слов, не поддержанных строгостью.

В этом собрании я говорил после него, Керенского, я начал свою речь так:

— Я очень хорошо понимаю вас, А. Ф.! Почему? Потому что мне, убежденному монархисту, пришлось принять отречение двух императоров. Это тоже значило "растоптать цветы своего сердца".

Кто знает, что испытало сердце Ленина, когда он подписывал Брестский мир? Это по форме был мир "без аннексий и контрибуций", а по существу отторжение от России всего ее Юга, вместе с Киевом — "матерью городов русских", откуда "пошла стала есть Русская земля".

Но благодаря этой ампутации сберегалось много крови человеческой. Не об этом ли думала "думающая гильотина"?

Но началась гражданская война. Однако в ней повинны и мы, Белые.

Через 40 лет я думаю, что мы сделали ошибку. Мы не поняли неизбежного. Чего именно?

Я знаю, что меня понять не очень легко. Тем не менее я попытаюсь объяснить то, что для меня уже ясно.

Коммунизм можно считать светлой мечтой человечества или называть его дьявольским наваждением. Быть может, в нем есть и то и другое. Для того, что я хочу установить, это не так важно. А важно то, что эти две точки зрения, лучше сказать две веры, нельзя примирить рассуждениями. Все доказательства разбиваются о каменность веры.

Нужен был опыт, эксперимент. Если в точных науках, как физика, химия, теоретические положения проверяются опытом, то в области наук социальных все теории — только мнения разных мыслителей. Эти мнения иногда стараются обосновать на фактах. Но когда устанавливаются эти факты и в особенности когда их толкуют, то это установление и толкование опять только мнения, убедительные для одних и совершенно бездоказательные для других. Факты всегда двулики или многолики.

Точная наука основывается на аксиомах, то есть истинах, всеми людьми признаваемых. Исходя из этих аксиом, шаг за шагом строится точная наука. Социальные науки аксиом не имеют, а потому их только с натяжкой можно назвать науками. Теоретические положения этих наук, всегда спорные, не могут принести мир людям.

Кроме того, все относительно в непрерывно развивающемся процессе жизни. Всякая эпоха есть достижение сравнительно с прошлым. Но настоящее есть ничто в сравнении с будущим. Такова природа самого времени. Время всегда называли Двуликий Янус. На самом деле время имеет три лица. Прошое, настоящее, будущее. Настоящее снисходительно смотрит на прошлое и с тревожной надеждой всматривается в будущее.

Противники коммунистов говорят, указывая на существующее:

— Глядите! Вот чего мы достигли, опираясь на индивидуализм.

А коммунисты отвечают:

— Опираясь на коллективизм, мы сделаем гораздо больше!

Убедите их! Тех и других...

Поэтому нужен опыт.

В течение истории человечества этот опыт коммунистического устройства, вероятно, был проделан не раз.

Бог (судьба для неверующих в Бога) избрал для опыта Россию. Почему? Не знаю. Пути Господни неисповедимы. Но для того, чтобы человечество могло жить, опыт должен был быть сделан.

Мы, Белые, этого не поняли. Если бы поняли, то не противились бы ему, то есть опыту Ленина. И не противились бы тому, что коммунизм вводится насильем. Ведь те, кто за него взялись, других путей не знали кроме насилия сверху, кроме принуждения власти. Ленин был русский. И история России была у него перед глазами.

...Большевики называют Петра Великого "первым большевиком". Не от него ли они восприняли методы насаждения коммунизма?

Русскому по крови трудно мыслить великое, совершенное без насилия. Поэтому когда Ленин взялся за свой опыт, он не представлял его себе без насилия. Если бы он был индусом, то, может быть, думал бы иначе: вроде как Ганди.

Мы, Белые, тоже не были индусы. По паспорту, правда, мы числились христианами. Но только по паспорту. Забыв слова Христа "взявший меч от меча и погибнет", мы обнажили оружие. Так возгорелась гражданская война в России.

Итак, теперь, с запозданием в 40 лет, я думаю, что для блага всего человечества и самой России надо, чтобы опыт Ленина продолжался и был доведен до своего логического конца... Идея коммунизма переживет нынешних коммунистов. Она воскреснет в среде победителей. Найдутся среди них пламенные мстители, которые будут сильнее Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина. Они скажут:

— Рай на земле был близок к осуществлению. Но враги рода человеческого сожгли светлое будущее в дьявольском пламени своей злобы. Смерть им!

Они будут иметь успех, и волынка начнется сначала.

Если насильственный коммунизм зло, то надо это зло вырвать с корнем. Как?

Надо предоставить ему развиваться, пока он не изживет самого себя.

Это может быть? В каком смысле надо понимать изживание коммунизма? В том, что называется московским коммунизмом, есть два явления, это ясно обозначается.

Этатизм. Государство взяло все в свои руки. Там, где это приложимо, государство творит чудеса. Поэтому этатизм останется.

Там, где государству нет места, оно напрасно ущемляет индивидуальность. Это неоправданное насилие будет постепенно отмирать. И тогда народится этатизм без насилия. И это будет называться истинным коммунизмом.

НАСИЛИЕ НА ВНУТРЕННЕМ ФРОНТЕ

Как было уже сказано, нельзя возражать против насилия государства — вообще. Власть есть насилие, в этом ее природа. Можно лишь возражать против государственного насилия в таком-то и таком-то случае.

Кроме того, можно предъявлять некие общие требования к Власти, то есть к государственному насилию, которые необходимо соблюдать во всяком случае.

Например, Власть должна соблюдать ею же самой установленные нормы насилия, то есть законы. Петр Великий сказал:

— Все законы писать, ежели их не соблюдать.

Это бесспорно. Но часто бывает, что Насилие стыдится себя самого. В этом случае оно пишет законы, которые не намерено соблюдать.

Конкретный пример объяснит мою мысль.

В Сталинской Конституции начертано:

— Печать свободна.

Сейчас же, как Конституция вышла, свободная печать разъяснила:

— Да, печать свободна. Но если кто захочет напечатать то, что вредно, то он не получит ни бумаги, ни станка, ни угла, где бы он мог развивать свою вредную деятельность...

Газета не прибавила, но это было так, что если кто напишет (не напечатает) в единственном экземпляре неудобное власти, то его посадят в тюрьму. И если меня вот за эту самую рукопись, которую я пишу под заглавием "Опыт Ленина", если меня не заключат в тюрьму, то только потому, что сама власть пожелала узнать мои мысли, выраженные совершенно свободно. Это желание Власти совпало с моим собственным, с внутренней потребностью моей совести определять мое отношение к Ленину; и так родилось это очень трудное для меня произведение, в котором я не смею увилить от правды, я обязан говорить честно, как я ее понимаю.

Всякий знает, что свободы печати нет в Советском Союзе. Но Сталин застыдился это внести в законы. Почему? Пока оставим этот вопрос. Одно несомненно, что эта фраза закона роняет Советскую власть, то есть ее мировой престиж. Гораздо достойнее и выгоднее, быть может, было бы написать так, примерно:

— В Советской державе не устанавливается свобода печати в той форме, как она существует в странах капиталистического окружения. Перед первым в мире социалистическим государством стоит цель более высокая, чем свобода граждан политическая. Эта цель — построить новый порядок человеческого сожития. На время того периода, то есть стройки социализма, необходимо объединить усилия всех строителей на одном деле, необходимо вести их в одном направлении. Свобода печати несомненно, мешала бы этому объединению. При свободе печати лица, hi сочувствующие построению социализма, могли бы свободно высказывать свои враждебные ему взгляды. И критиковать действия власти, строящей социализм, был(бы очень легко. Перестройка всего общества на новых началах не может не натолкнуться: на великие трудности, не может не подвергнуть все население Советской Державы тяжелым испытаниям. Поэтому упреки свободной печати звучали бы весьма; убедительно для страдающих от введения социализма масс. Критика свободной печал внесла бы полное расстройство умов и даже могла бы вызвать падение

Советско! власти. По этой причине пришлось отказаться от свободы печати, советский народ строящий социализм, есть армия, идущая на штурм старого мира. В армии hi разрешается ни солдатам, ни офицерам обсуждать или критиковать приказан^! начальников. Успех армии обеспечивается только строжайшей дисциплиной, а ei назначение — победить или умереть.

На этом надо было стоять, не краснея за новые методы государственного насилия: в новом деле. И это тем более, что вопреки Конституции Советская власть неоднократно заявляла, что все писательские перья без исключения, все литературные произведения поэзия, проза и в особенности газетные и журнальные статьи должны служить делу построения социализма и коммунизма. Если они этому не служат, они напечатаны hi будут.

Dura lex, sed lex. Суров закон, но это закон! Хорошо обоснованное и четко объясненное любое государственное устройство может быть приемлемо для всякого сознания. Труднее усваиваются противоречивые концепции, при которых закон говорит одно, а практика власти другое.

Печать свободна — гласит закон; пишете, что вам велят, — говорит Власть. Откуда это противоречие? Оно имеет тот же источник, как и другие противоречия.

В Советское мирозерцание вошли два стремления, плохо согласимых, а именно демократия и диктатура.

Демократия, как известно, слово греческое и обозначает "власть народа" Демократия противопоставлялась Тирании, то есть власти одного. Переходя из века i век, слово Демократия сохраняло свое основное значение и вместе с тем обрастал! добавочными понятиями. К началу XX века под демократией стал подразумевать^ строй, неотъемлемая часть которого свобода. Свобода всяческая, личная i политическая. Свобода жить, как хочешь; свобода избрания профессии; свобод, передвижения; свобода религии; свобода науки; свобода мнения; свобода всячески: союзов и собраний; свобода основать политическую партию; свобода выборов; свобод; ставить Власть, какую народу угодно, и свобода критиковать уже поставленную власть

Диктатура слово латинское. В Риме в такие времена, когда требовалось единовластие, избирали диктатора, которому вручалась вся полнота власти. При это; на время упразднялся Сенат, то есть коллектив, который в мирное время правит государством. Как и слово Демократия, понятие Диктатура обросло некоей кожей платьем, прикрывавшим его голое римское значение. К нашему времени Диктатур; стала противопоставляться Демократии и обозначает порядок, при котором отменяются: или приостанавливаются гражданские свободы.

Таким образом, Демократия и Диктатура несовместимы, как вода и пламень.

Так как Советская власть желает быть одновременно Демократией и Диктатурой то из этой основной двойственности и происходят разные неувязки, одна из которых — положение печати. С одной стороны, "печать свободна" — это закон чист! демократический, а с другой стороны, практикуется неумолимая диктатура цензуры которая не пропустит в печать ни одной строки, для Власть не подходящей.

Вся советская действительность пронизана этими неувязками. На этом бесполезно настаивать, это каждому ясно. Укажу только еще одно яркое явление, Выборы Верховный Совет. Закон о выборах очень демократичен. Все, кроме преступников детей, голосуют. Но в противность демократическим принципам все партии запрещены кроме коммунистической. Почему так? Потому что надо согласить "Демократию" "диктатуру пролетариата". Пролетариат не желает других партий, и все тут! На то он диктатор.

На самом деле диктатуры пролетариата нет. Пролетариат сейчас все, потому что пролетарий тот, кто живет на зарплату. На зарплату живут и колхозники, которые получают трудодни, то есть ту же самую зарплату, только несколько по-другому исчисляемую. Но право организоваться в партию имеют только "партийные" Беспартийные, не имея возможности организовать партию, будучи пролетариями, диктатуре пролетариата, однако, не участвуют.

Поэтому нет диктатуры пролетариата; но есть диктатура коммунистической партии единой в стране. При Сталине диктатура пролетариата превратилась в диктатуру е первого

секретаря, то есть в единомудержавии.

Но это безразлично для данного моего рассуждения. Несомненно следующее: Диктатура в том или ином виде налицо.

Одновременно существует и Демократия в разных советских установлениях. Из комбинаций двух устремлений, плохо согласуемых, получается постройка, про которую в старину сказали бы: смесь французского с нижегородским.

Но эта диковинная комбинация существует и живет. Живет жизнью живой и стремится осуществлять "Опыт Ленина". Пусть живет!

Но нельзя не признать, что двуликость — самое слабое место Советского Союза. Во всяком случае, для западных людей брак диктатуры и демократии до сих пор был очень непонятен. С пришествием к власти де Голля во Франции, быть может, французы начнут лучше разбираться в этом. Де Голль идет к диктатуре, но не отрекается от демократии. Мне кажется, он воспитан в древних римских понятиях. Единомудержавие нужно отечеству в трудные времена, когда нельзя себе позволить роскошь народовластия.

Но вернемся к Советскому строю.

Мне очень понятны идейные и дисциплинированные коммунисты, которых иногда называют до конца сознательными.

Это могут быть люди весьма свободолюбивые. Но они сознательно отрекаются от свободы во имя цели еще более высокой. Отзвуки этого мирозерцания можно найти еще у Лермонтова. Поэт, создавший образы демонического Печорина и Демона, Печорина, напоминающего двух героев времени, нашего и не нашего, но одинаково вольнолюбивых, этот поэт написал:

— Пускай я раб, я раб Царя Вселенной!

Другими словами, Лермонтов соглашается на рабство во имя Вселенности.

Такие Лермонтовы вольнолюбивые коммунисты. Им, должно быть, иногда приходится очень трудно. Но они пересиливают свою природу, требующую свободы, ради идеи коммунизма, ими овладевшей.

Я лично видел таких людей, но не среди коммунистов, а среди офицеров Белой армии. Я знавал человека великого вольнолюбия и властолюбия и бешеного темперамента. В своем кабинете, с глазу на глаз со мной, он рвал и метал против начальников, просто страшно делалось. Но, перегорев, он исполнял указанное. Военная дисциплина была в нем сильнее его властной и страстной натуры. Когда мы расставались навсегда, он сказал мне:

— Вы были моей совестью. Вы видели все. Скажите Ваше последнее слово.

Я сказал:

— Вы выдержали экзамен. Вы недаром носите золотые погоны.

Так вот, эти идейные коммунисты наших дней, надев золотые погоны, сорванные ими с Белых, впитали в себя офицерскую душу.

Истинный офицер, достойный своих погон, тот, кто добровольно отдает свою свободу ради успеха, ради какого-то высокого дела. Это дело может называться Родина или Интернационал. Дело не в этом, а в том, что в известных случаях добровольное рабство есть подвиг. Так надо понимать слова поручика Лермонтова:

Пускай я раб, я раб Царя Вселенной!

Все это я очень хорошо понимаю. Чего я не понимаю, зачем Советской власти понадобилось кого-то убеждать, что Советский Союз — самая совершенная демократия. Этому все равно никто не верит. Выгоднее было бы заявить:

"Советский Союз временно отказался от свободы для достижения ценности еще более высокой, всеобщего счастья людей. Когда мы построим интернациональный коммунизм, то есть создадим порядок, при котором только и возможно счастье общечеловеческое, то мы включим в этот порядок и свободу, без которой полное счастье невозможно".

Если бы заявление этого рода прозвучало, мировое общественное мнение было бы

примерно такое:

— Большевики искренние люди, хотя они и ошибаются. А может быть, они и правы?

АППАРАТ ПРИНУЖДЕНИЯ

Рискую начертать такое уравнение:

$C - \phi(x, y, z)$.

C — обозначает строй, строй социально-политический ϕ — как это принято, означает функцию x — означает Власть y — Аппарат принуждения z — " - Народ.

А все уравнение означает, что социально-политический строй есть результат некоего взаимодействия трех переменных факторов: Власти, Аппарата принуждения, Народа.

Мысль моя несложная, даже самоочевидная, но, чтобы сделать ее выпуклее, приведу пример.

Может ли самая достойная власть установить хотя бы элементарную честность в стране, если чиновники хабарники?

Если власть достойна и чиновники честны, но в народе крепко укоренились воровские наклонности, то x и y (то есть Власти и Аппарату принуждения) предстоит жестокая борьба с z , то есть с народом. И это тот случай, когда народовластие совершенно не годится. Наоборот, честная власть и честный Аппарат принуждения должны быть совершенно независимы от народа.

А если сам x проповедует "грабь награбленное", то что будет с y и z ?

Будет то, что было в России. Кровь и голод.

Но Власть опомнилась. Она стала преследовать грабеж. Некоторое время аппарат принуждения не слушался и продолжал грабить. Затем он стал выправляться. А народ?

В Царской России яблок было много, и были они дешевы. Но и тогда мальчишки крали. Сейчас дело хуже. Глас народа в неблагополучии на яблочном фронте обвиняет мальчишек, и не только мальчишек. Садовые воры осатанели, и сладу с ними нет! Только герои заводят сейчас садики; герои, способные уберечь плоды своего труда и работы от хулиганов.

Аппарат принуждения здесь явно не справляется, хотя его не обвиняют, что он потворствует ворами. Просто не может он разорваться, чтобы вдобавок ко всему остальному стеречь сады.

Плодокрадство — старинная русская привычка. Я сидел во Владимирской тюрьме с покойным князем Петром Дмитриевичем Долгоруковым как раз в то время, когда праздновалось 800-летие Москвы, это было в 1947 году осенью. Ставили постамент для памятника основателю Москвы, Юрию Долгорукому, предку Петра Долгорукова, с которым я сидел. Ему было около 80 лет. И конец его был недалек, но он сохранил живость ума и ясность памяти. И он однажды сказал мне:

— Уверяю Вас, что Герцен (или Бакунин) был прав, когда говорил: "У русских бугор собственности не вытанцовался". Вот этому предку ставят памятник. За 800 лет, казалось бы, у Долгоруковых должна была бы пропасть охота красть, как Вы думаете?

— Срок достаточный!

— Так вот нет! Мне было лет десять, когда мы с матерью жили в Чехии. Почти каждый день мы ездили в экипаже в ближайший городок. Как все мальчишки, я любил влезать на козлы к кучеру, и мы с ним стали друзьями. Дорога, как все дороги в Чехии, была обсажена фруктовыми деревьями. Козлы высокие, вишни, сливы, потом яблоки были так близко, что я свободно мог бы их рвать. И я уверяю Вас, что я только потому их не крал, что мне стыдно было перед кучером. Подумайте! Ведь у нас за столом ежедневно были лучшие фрукты; не от фруктового голода я на них зарился, совсем нет; тут было какое-то атавистическое желание украсть, свойственное всем нам, у которых "бугор собственности не вытанцовался", в отличие от чехов. Поэтому-то и возможно было у них обсаживать дороги, никто не тронет. Нет, Вы вникните в эту трагедию, что чешский кучер был честнее, чем русский князь! Это у них, у чехов, такое отношение к чужой собственности было уже 100 лет тому назад. Как Вы

думаете, через 100 лет от сего дня, то есть когда Москве будет 900 лет, можно ли будет обсаживать дороги фруктовыми деревьями?

Я сказал:

— Только в том случае, если всемогущая наука научит нас выращивать не только ¹ мичуринские сады, но и шишку собственности на лбу у русских мальчишек.

Не только у мальчишек! Как бывший помещик, я могу засвидетельствовать, что украсть у помещика не считалось ни грехом, ни преступлением. Крали фрукты из садов; дрова из леса; рыбу из прудов; муку из мельниц; землю, снимая межевые знаки и другими способами. Иногда мы защищались, но редко. На кражи рассчитывалось, как на другие расходы. Так вот, мне кажется, если это неправда, буду рад, — что прежний взгляд на помещичье добро теперь перенесен на "социалистическую собственность". Пословица "своя рубашка ближе к телу", во всяком случае, осталась в полной силе; поэтому зажимать что-нибудь у государства или у колхоза — преступление только по букве закона, да в глазах правоверных коммунистов. Толща народа по-прежнему шишки собственности еще не вырастила. Она чувствует иначе, чем закон.

Да может ли быть по-другому? Если Долгоруковы за 800 лет ее, шишку, не приобрели, то почему у Ивановых и Петровых она выросла бы за 40 лет?

Я это говорю к тому, что при таких условиях у Apparata принуждения, будь он совсем хорош, все же очень много, чтобы не сказать слишком много, работы. Поэтому-то нет яблок и многого другого. Всего, что трудно вырастить, но легко украсть.

Всегда среди людей борются две армии: одна созидает, другая разрушает. Если Apparat принуждения не подает на каком-нибудь участке созидания достаточной помощи честным труженикам, то беспечные побеждают.

О яблоках я говорю только для упрощения изложения. Весь вопрос много шире. В него входит и проблема бандитизма.

Откуда столько бандитов? Из своего тюремного опыта я вынес заключение, что "воры" (так бандиты сами себя называют) — это партия, не партия, но некий организованный союз, или даже сословие. Для них характерно, что они не только не стыдятся своего звания "воров", а очень им гордятся. И с презрением они смотрят на остальных людей, не воров.

Не всякий может быть вором!

Есть случайно укравшие, этих они не считают ворами. Вор — это законченный бандит, проникнутый своей бандитской честью.

Да, у них есть своя честь и своя этика.

Вор, настоящий почтенный бандит, например, не будет ни красть, ни отнимать "пайку", то есть хлеб, который выдается заключенным. Пайка "священна и неприкосновенна". Настоящий вор в арестантских условиях вообще не опускается до воровства. Он грабит открыто, он отнимает. Но отнимает у тех, у кого больше. У него есть своя совесть. Проступки против воровских понятий караются ими, ворами, весьма жестоко. Если, например, вор ложно оклеветает другого вора и это будет доказано, то кляузник может заплатить и жизнью. Смертная казнь за грехи против воровской чести. Словом, они объединены в неписанный и незарегистрированный союз бандитов и обязаны стоять друг за друга.

Бандит должен быть смел и непреклонен. Только такие люди настоящие воровы. Это опасные люди; в некоторых смыслах они люди отборные.

Не всякий может быть вором!

Существование этой силы, враждебной всякой власти и всякому созиданию, для меня несомненно. От меня ускользает ее удельный вес, но представляется она мне иногда грозной. Мне кажется, что где дрогнет, при каких-нибудь обстоятельствах, Apparat принуждения, там сейчас же жизнью овладеют бандиты. Ведь они единственные, что объединены, остальные, как песок, разрознены. И можно себе представить, что наделают эти объединенные "воры", пока честные объединяются.

РЕЛИГИЯ

...По букве Советского закона всякая религия свободна. Действительно, некоторое количество христианских храмов совершают богослужения. На самом же деле христианская религия еще терпит.

Прежде всего и самое главное преследование в том, что коммунист не может исповедовать никакой другой религии, кроме официальной, то есть безбожия. Но это же запрещение распространяется и на некоторые профессии. Учительский персонал, например, не смеет ходить в церковь. Если какой-нибудь педагог заупрямится, его уволят под каким-нибудь предлогом. Вообще говоря, насколько я понял, кто хочет преуспевать в Советском государстве, пусть не ходит в церковь. И в особенности пусть не посылает в храм своих детей. Для таких мальчиков и девочек все дороги будут закрыты. Рад был бы узнать, что я ошибаюсь.

Во время войны бесчисленные матери лишились своих сыновей. О них Некрасов писал:

Внимая ужасам войны,
При каждой новой жертве боя
Мне жаль не друга, не жены,
Мне жаль не самого героя.
Увы! Утешится жена,
И друга лучший друг забудет.
Но где-то есть душа одна —
Она до гроба помнить будет!
* * *

О, слезы бедных матерей!
Им не забыть своих детей,
Погибших на кровавой ниве,
Как не поднять плакучей иве
Своих поникнувших ветвей...

Некоторые из этих бесчисленных матерей находили утешение в церкви, молясь за своих погибших сыновей. Случалось, что эти безутешные матери были женами коммунистов. И вот возможно ли преследовать коммуниста, потерявшего сына, за то, что его жена ходит молиться и плакать в церковь? Справедливо ли это? Нет, потому что Партия может дать безутешной матери пенсию, но не может утешить ее скорбь. А церковь может? Да, может. Надо склониться перед этим неопровержимым фактом и дать свободу плачущим женщинам идти туда, где они находят утешение, и это совершенно независимо от того, кто их мужья. Когда же делают обратное и заставляют склониться партийца перед требованием партии, то кто может сказать, какие горькие чувства могут родиться в его душе.

Этот пример я привел, между прочим, еще и потому, что он показывает один из источников, откуда приходит вера в Бога. Этот источник — неутолимое душевное страдание, утешаемое молитвой. Смерть близких низводит на землю Бога, пребывающего в далеких небесах.

Реформаторы, которые стремятся к благородной цели, счастью человеческому, неутомимы в своих исканиях лекарств, помогающих людям в их телесных муках. Слава им! Но кроме мук телесных, есть муки душевные, не менее жестокие. Казалось бы, что люди, делающие "Опыт Ленина", должны бы всеми мерами поощрять и поддерживать все, что утешает скорбящую душу человеческую, именно потому, что этот "Опыт" имеет только одну цель — помочь людям, несчастным людям, на всех горестных путях их. Почему же они высокомерно отвергают христианскую религию, которая могла бы быть их лучшей союзницей?

В христианской религии есть две стороны, которые полезно различать.

Одна сторона — это область мистическая. Здесь христианская религия является силой целительной именно там, где Партия совершенно бессильна. Самый лучший коммунист не может сделать того, что совершает самый скверный поп. Попами называют священников с желанием их оскорбить, так же, как евреев называют жидами. Я дал себе слово никогда не называть евреев жидами и священников попами.

Самый плохой священник, пьяница и сребролюб — "очи завидующие, руки загребущие", все же является высоким благодетелем людей, когда он совершает христианское погребение.

Чем можно смягчить горе людей, идущих за гробом? Только одним: превратить вечную разлуку с дорогим человеком в разлуку временную. И это великое дело делает бездельный священник, когда он обещает живым загробное свидание с умершим "в стране прекрасной, в стране покойной, где нет печали, слез и вздыхания, но жизнь бесконечная...".

Как только человек скорбящий в это поверит, его невыносимое горе становится переносимым, боль унимается. Перед такими врачами, душевными целителями, казалось бы, надо снять шапку так же, как перед искусными врачами, облегчителями наших телесных мук. Ведь эти последние тоже иногда попивают и неравнодушны к благам мира сего.

Польза для людей от этой стороны христианской религии для меня неоспорима. Труженики этой профессии, то есть духовные лица, работают на фронте, где Партия совершенно бессильна. Неужели презрительное отношение к ним этим бессилием и объясняется?

Зависть?

Нет, недоразумение.

Партия думает, что в другом отношении христианская религия мешает "Опыту Ленина". Переноса центр тяжести в небесное, людей отвлекают от земного.

И не видят, что пути Креста и Красной Звезды, доведенные до своего конца, неминуемо сойдутся.

Что проповедует христианская религия? Любовь к ближнему. Что является причиной и целью "Опыта Ленина"? Любовь к ближнему.

Почему же Крест и Красная Звезда расходятся, не работают вместе? Потому что они расходятся в методах.

Метод Христа — самопожертвование.

Метод Ленина — насилие.

Так выраженные эти методы представлены в своем кажущемся несогласии противоречии. На самом деле они сходятся в самом гармоническом сочетании.

Если одни желают все отдать, а другие все взять, то в чем разномыслие, в чем трагедия, почему должно совершаться насилие и пролиться кровь?

Сказано было:

— Грабь награбленное!

Но это не могло относиться к истинным христианам. Им повелено:

— Если кто попросит у тебя рубашку, отдай ему и верхнее платье.

Христианина, не по паспорту, а истинного, нельзя ограбить. Грабеж потухает сам собой, перестает быть грабежом, если "ограбленные" добровольно и с радостью отдают все. Поставьте их, грабителей и ограбленных, перед судом нелицеприятным, и судья скажет:

— Грабежа не было.

Можно ли совершить насилие над истинным христианином? Нет, потому что Христос сказал:

— Если тебя ударят в правую ланиту (щеку), подставь и левую.

Христианство как учение обладает волшебной, сверхъестественной силой.

Оно дуновением надземного разрешает все земное, все "проклятые вопросы", социальные, политические, национальные, расовые, сословные.

Всех этих вопросов для истинных христиан просто нет. Вот почему великим реформаторам, ищущим счастья человеческого на земле, надо видеть в истинных христианах наилучший материал для устройства безболезненного существования на земле, и именно

поэтому, что они думают о Небе. Они даже не нуждаются во Власти в общепринятом нынешнем понятии этого слова.

Кроткие и покорные, они нуждаются только в организаторах. Эти их добрую, но бесформенную волю направляют по известному плану и порядку, чтобы не было анархии, давки из-за усердия.

Из истории некоторых так называемых "сект" известно, что коллективы, строго державшиеся христианского учения, процветали как хозяйственные единицы. Например секта, прозываемая Польские братья. Они были в Польше и у нас на Волыни, Киевщине. Их называли еще "Соционные", по имени Фауста Соция, выходца из Италии, основателя этого учения.

Но почему же последователи Ленина и верующие в Христа столкнулись у нас в России в ужасной кровавой борьбе? Потому что в России, как и везде, истинных христиан почти не было. Или, лучше сказать, числящиеся по паспорту христианами были полухристиане, полуязычники.

Они были христианами, поскольку верили в загробную жизнь, провожая в могилу покойников. Здесь они были искренни и потому получали облегчение страданий, причиняемых Смертью. Но они не были христианами, а были истыми язычниками в своей земной жизни. Вопреки Христу они терпели имущественное неравенство, враждовали между собой внутри государства и с соседями в международном смысле, обильно лили они кровь чужую и свою. Вот с этим миром полухристиан столкнулся "Опыт Ленина", и не мог не столкнуться.

Реформаторы, изверившись в христианской религии, — о ней они судили по ее представителям, — задумали распространить истинное христианство силой. Они думали, что, дубася дубиной по голове, можно научить полухристиан-полуязычников любить ближнего, как самого себя.

В этом они ошибаются.

БЫТ, ПРАВЫ

Быть может, я жестоко ошибаюсь, но то, что я до сих пор ощутил в смысле быта и нравов в Советском Союзе, наводит меня на следующие размышления.

Существующий быт меня совершенно не удовлетворяет, что не удивительно, я видел быт лучше. Но это совершенно неважно с точки зрения продолжающегося "Опыта Ленина". Важно, куда смотрит стрелка. Известно, что если постучать пальцем по стеклу барометра, то стрелка сойдет с того места, где она стоит, и чуточку подвинется в ту или другую сторону. И это ее движение покажет, чего надо ждать, куда пойдет погода: на ухудшение или улучшение. Стрелка советского барометра, если ее постучать, указывает на улучшение материальной стороны быта. Это для меня несомненно. Но тут есть один вопрос крайне важный, над которым надо задуматься.

Ведь быт создается для кого? Для людей, конечно. И вот эти люди, для которых в страшной спешке создается новый быт, довольны ли они, удовлетворены ли их желания?

Наблюдения у меня, как я неоднократно говорил, поверхностные. Но то, что я ощутил до сих пор, заставляет меня думать:

— Нет, не довольны!

Но почему? Если сравнить, как жили отцы этих теперешних, то разница огромная. Казалось бы, они должны быть довольны, они и были бы довольны, если бы их растущие потребности возрастали бы соответственно средствам для их удовлетворения. Но именно этого-то и нет. Желания растут быстрее, чем возможности их удовлетворить. Неудовлетворенные желания и порождают недовольство.

Как с этим бороться? Остановить их умственное развитие, которое вызывает все новые и новые желания? Нельзя. Надо развивать интеллект. Прикрикнуть на них сурово, пригрозить? Они съедатся и замолчат. Но счастливее от этого они не будут. Усовестить их?

Внушить им терпение? Это, пожалуй, лучше. Но это трудно сделать одновременно с советской тактикой, ставшей уже прочной традицией, все время твердить, что все уже прекрасно. Для того, чтобы внушить людям терпение, надо, наоборот, непрерывно повторять, что это и это у нас еще плохо. Это будет повторением только того, что твердит само население, обыватель. Но если это же самое скажет Власть, безбоязненно и убежденно, она засыплет пропасть, которая образовалась между ней и народом. Это опасная пропасть. По одну сторону ее стоит Власть. Она всеми средствами своей очень сильной и активной пропаганды расписывает достижения и уже наступившее счастье советского народа. А на другой стороне пропасти бродит этот самый народ и ворчит. Ворчит потому, что не чувствует себя счастливым. Если Власть открыто признает, что нет еще счастья, она засыпает ров. Власть и Народ будут мыслить одинаково.

Особенно опасны, на мой взгляд, сравнения капиталистического окружения с Советским Союзом и утверждения, что у нас народ живет лучше. До сих пор Советской власти удается внушать советскому народу, что капиталисты мерзавцы и негодяи. Насколько я уловил, советские граждане до сих пор так и мыслят:

— Капиталисты и помещики — это последние люди, просто даже звери!

Но при этом задумчиво прибавляют:

— Но живут-то у них лучше, чем у нас.

Думаю, что это убеждение принесла на родину Советская Армия, побывавшая в чужих краях.

Быть может, не лишним будет вспомнить последствия первой Отечественной войны, войны против Наполеона. Не знаю, по каким соображениям старик Кутузов отсоветовал Александру I преследовать Наполеона за пределами отечества. Но молодой еще Император не послушал старика и во главе своих войск через Берлин пришел в Париж. Он очаровал Францию. Но Франция очаровала его, Российского самодержца, опору — Российское дворянство. И через десять лет после посещения Парижа это Российское дворянство устроило восстание против русского самодержавия. Это восстание — был военный мятеж декабристов 14 декабря 1825 года. Цели декабристов не были отчетливы, но в основе их лежали французские идеалы свободы. Декабристы оправдали шутивную поговорку: Париж, Париж, поедешь — угоришь!

Во вторую Отечественную войну мы не были в Париже, но взяли Берлин. И то, что армия увидела в Польше, Чехии, Венгрии и Германии, смутило некоторых.

Попутный грузовик подвез меня домой, когда я ушел несколько километров по большой дороге из Гороховца на Горький. Я сел рядом с шофером. У советских людей взгляд острый. Он сказал мне через некоторое время:

— Что, дедушка, повидал свет?

— Был кое-где.

— Я тоже. Был там и там. И в Германии.

— Во время войны?

— Да. И вот раз приехали мы под вечер куда-то. Хотим ночевать. Видим, дом хороший. Пустой. Мы его заняли, подумали, наверное, помещик тут жил какой-нибудь немецкий. Утром огляделись, кругом все такое же, дома каменные, просторные, ну и вообще по-культурному. Решили: здесь, значит, одни помещики жили. А потом узнали, что не было тут ни одного помещичьего дома, а все как есть дома крестьянские. И мы в этом удостоверились, что так у них мужики живут.

Я молчал. Он прибавил:

— Как же это понимать, дедушка?

Я замял разговор. Возражать не позволила совесть. Подтвердить, что действительно немецкие мужики жили на манер мелких помещиков и что именно для того, то есть чтобы и русские мужики жили как немецкие, и была начата реформа Столыпина, — этого я не мог себе позволить. Это было бы антисоветской пропагандой, а я этим не занимаюсь. "Опыт Ленина" зашел так далеко, что лучше будет для всех, для русского народа и для всего мира,

чтобы этот опыт был завершен. Если ему суждено дать людям счастье, то чего же больше желать? Если нет, то пусть он, завершенный опыт, покажет, в чем ошибались люди, его затеявшие. Всем, кто не может принимать в нем, опыте, участие, надо отойти в сторону и не мешать строителям. Но то, что я пишу сейчас, это слабосильная старческая попытка перед тем, как совсем, совсем отойти в сторону, высказать, как я понимаю подводные камни, угрожающие кораблю "Россия", на котором и я когда-то плыл. Пусть мои наблюдения поверхностны и мысли легковесны, но, может быть, и в них найдется зерно правды.

Хулиганство и пьянство; презрение к женщине; вороватость, озорство детей; четыре квадратных метра жилплощади и другие неувязки; необузданность желаний, которые обгоняют возможности их удовлетворения, какие-то представления, что в других странах лучше, — это, на мой взгляд, достойно пристального внимания строителей "Опыта Ленина". Но я чувствую, что все это не выражает полностью моего ощущения советского быта.

Есть нечто, что выше моей осведомленности и понимания. И это вот что.

При несомненном для меня добродушии русского народа откуда эта в нем злобность?

То и другое, добродушие и злобность, ощущаются мною постоянно и одновременно. И совместить это в логическом построении можно, по крайней мере, если бы дело шло об отдельной личности, только так:

— Вот добрый человек, но его чем-то очень рассердили, и он временно злой.

Русский народ часто называли медведем. Может быть, это и метко. Медведь добродушный зверь. Но сердить его не следует.

Чем же рассержен в настоящее время наш русский медведь? Сказать по чести, я не знаю. И мои следующие предположения будут под знаком "может быть". Может быть так, а может быть иначе.

Прежде всего я должен уточнить; советские люди не злы, а раздражены. Злость — это состояние более стойкое, так сказать, природное. Раздражение — вещь как бы наносная, основной натуре противная, легче проходящая. Злой тверд в злобных чувствах; раздраженный, но добрый, в основе своей, отходчив.

Раздраженные советские люди отходчивы. Но чем же они раздражены, еще точнее сказать, почему они стали так раздражены?

Может ли целый народ стать раздражительным? Может. Если причины, вызывающие раздражительность, действовали и продолжают действовать на всех. Были ли такие причины? Были. Эти причины, сотрясающие нервную систему всех без исключения, суть Война и Революция.

Но война кончилась! Горячая война кончилась в 1945 году, то есть тринадцать лет тому назад.

Но последствия ее действуют и сейчас и еще долго будут действовать.

Дети, рожденные в годы войны, не помнят ее, войны. Но переживания отца и матери в них остались и могут преследовать их всю жизнь в виде нервной раздражительности. Годы первой мировой войны, перешедшей в России в войну гражданскую, 1914–1920 годов. Возраст людей, рожденных в эти годы, сейчас 38–40 лет. Это обозначает, что люди, еще в цвете лет находящиеся, рождены и зачаты родителями, потрясенными тяготами войны.

Вторая мировая война длилась для России с 1941-го по 1945 год. Четыре ужасных года. Деторождение в эти годы должно было снизиться по той простой причине, что отпуска из армии давались крайне скупно. Все же рождения были. Сейчас рожденным в эти годы от 13 до 17 лет. Нервная система у этих подростков должна быть незавидная.

За этим следуют рожденные в годы голода. Они истощены голодом родителей еще до своего рождения и собственным голоданием в детские наивные годы. Они, наверное, дают достаточно людей с расшатанной нервной системой.

А люди, рожденные не в годы войн и избежавшие прямого голода? Жили ли они в нормальной обстановке в течение последних сорока лет?

Нет. То, что щадила война, выматывала революция. Я думаю, что каждый врач подтвердит, что спешка, постоянная спешка, расстраивает нервную систему. Даже лошади,

которых назначение бега и скачки, имеют чрезвычайно нервную организацию. Эта спешка продолжается и сейчас. Люди живут под постоянными ударами по их нервам. Мы непременно хотим догнать и перегнать Америку, а потому спешим хуже, чем на пожар. Может быть, так и надо — это отдельный вопрос, о котором не стоит говорить по поводу другого вопроса. Но признать можно, что эта постоянная работа "сверх нормы", все эти "соревнования" и "подарки" не могут не напрягать нервную систему советских людей. Живя в Советском Союзе, чувствуешь себя, как будто война продолжается. Самые обыкновенные процессы земледелия и промышленности переделаны в штурмы. Штурмуют посев и уборку хлеба, мирного, святого хлеба, на него устремляются с воинственными криками, как на врага. Также штурмуют кукурузу, фрукты, овощи, молоко, мясо — все. Равным образом в промышленности штурмуют уголь, нефть, чугун, сталь... И все это материальное растет. Только бедные нервы человеческие под бичом этих призывов расстраиваются.

Нормальное состояние советского человека, поскольку я его наблюдал, — это спешка. Он и она вечно куда-то спешат. Быть может, поэтому они так раздражительны? Если бы им дать немного отдохнуть! Нельзя. Америка не ждет. Она тоже работает, а нам надо ее перегнать. Ну, если надо, так надо. Ничего не поделаешь. Но надо и учитывать последствия такого непреодолимого "надо".

А последствия таковы. Спешка вызывает нервность. Нервность порождает раздражительность. А раздражительность срывает "Опыт Ленина".

Как? Почему?

Потому что цель "Опыта Ленина" есть счастье людей, а люди, которые находятся в состоянии постоянного бешенства, явного, или что еще хуже — скрытого, счастливы быть не могут. Они глубоко несчастны. Несчастливы потому, что постоянно раздражены друг на друга.

ЗЕМЛЯ

При освобождении русских крестьян, вернее сказать крестьян Российской Империи, от крепостной зависимости 19 февраля 1861 года они, крестьяне, были обильно наделены землей. Понятие "обильно", конечно, относительно. Его удельный вес познается сравнением, сравнением с другими народами и государствами. Насколько я знаю, при такого же рода освобождениях в странах Западной Европы тамошние крестьяне были наделены землей скупереем, чем в России. Цифр я не помню, кроме одной. В Волынской губернии на крестьянский двор был надел в среднем 12 десятин (десятина близка к гектару). Много ли это, или мало, можно судить из следующего. На Волыни было достаточно так называемых "колонистов". Это были пришельцы из Германии и Чехии. Вот уже на шести десятинах, применяя культурное земледелие, немцы и в особенности чехи жили как маленькие помещики. Их пример не остался без подражания. Их соседи, русские волынцы, теперь называемые украинцами, стали понемножку и сами выходить на хутора. К началу XX века это движение, которое шло самотеком, без всякого поощрения со стороны власти, стало уже заметным и в государственном масштабе. За Волынь, которая шла во главе, пошли и некоторые другие западные губернии. Сами колонисты на Волыни говорили мне:

"Наши, хохлы, когда выходят на хутора, хозяйничают лучше нас, колонистов. Мы, конечно, приносим с собою кое-какую культуру в отношении земли, но она нас и связывает, как всякая рутина. Они, здешние, сломали свою рутину, когда, подражая нам, вышли на хутора. И теперь они готовы ломать и дальше. Наша культура им не прадедовские навыки, от которых трудно отвыкать. Поэтому они охотно хватаются за всякое новшество. Это рожденные прогрессисты!"

Я это говорю потому, что "прогрессивные" волынцы оказали некоторое влияние на последующие события начала XX века.

Но, в общем, ни личная свобода, возведенная Манифестом 19 февраля, ни относительно широкое наделение землей не принесли ожидаемых и желанных плодов в смысле земледелия. Свободные хлебопашцы стали пахать землю не лучше, а хуже, чем до

освобождения. Этого взгляда держался и Лев Толстой не потому, конечно, что он не сочувствовал освобождению крестьян. Это стало ясно и Правительству. Кажется, в 1904 году или несколько раньше по всей России были созваны совещания, которым было предложено рассветлить вопрос, что же именно происходит с русской землицей, почему через 40 лет после освобождения крестьян сельское хозяйство не двигается вперед? Вопрос стоял особенно остро относительно Великороссии. Размышляющие люди стали громко говорить об "оскудении центра". Его, центр, стали противопоставлять окраинам, где дело шло несколько лучше. Эти совещания дали богатейший материал. Мнения, разумеется, были пестрые, но общий глас народа засвидетельствовал, что землеустройство находится в катастрофическом состоянии. Мужички, конечно, по своему обыкновению, причитали, что землицы у них мало, "куренка некуда выпустить", но язык цифр говорил иное.

При освобождении крестьяне получили половину пахотной земли. Это было в 1861 году. Затем стал работать Государственный крестьянский банк. При его помощи к началу XX века крестьяне получили еще 30 процентов пахотной земли. У помещиков пахотной земли осталось 20 процентов, но процесс перехода земли к крестьянам продолжался. Ни в одной стране в Европе крестьяне не имели столько земли, как русские крестьяне. Почему Россию справедливо называли "Страна крестьян". Эта картина вполне выяснилась при обсуждении аграрного вопроса в Государственной Думе. В стенографических отчетах и других материалах можно найти документальное подтверждение того, что я здесь пишу по памяти.

Эта крестьянская страна при обилии земли влачила бедное существование, получая невозможно низкие урожаи. И в то же время островки колонистов, немцев и чехов, вкрапленные в русское поле, благоденствовали. На той же земле они получали прекрасные урожаи. У них были хорошие просторные домики, рослый скот, сельскохозяйственные машины, и вообще их быт был несравним с бытом коренного населения.

Впрочем, была разница по районам. Малороссияне хозяйничали лучше и жили богаче, чем великороссы. Тут сказывалась разница в качестве земли, во-первых. Но не только это. Землеустройство Юга и Запада России имело свои болячки, поэтому было далеко от идеала. Но в сравнении с Севером и Востоком крестьянское хозяйничание Юго-Запада было куда выше. В некоторых местах крестьяне стали даже удобрять землю, что было неслыханно в Великороссии, хотя там-то именно земля особенно нуждалась в удобрении. Чем же это объяснялось? Это объяснялось разницей землеустройства. В то время как в Великороссии крестьянская земля была в коллективном владении (поземельная община), в Малороссии и Западном крае земельная собственность была индивидуальной.

При наделении землей в 1861 году Правительство императора Александра II не решилось сломать историческую форму землевладения. Общинный строй крестьянского землевладения в Великороссии сложился давно, если не ошибаюсь, при Екатерине II.

В некоторых отношениях власти, как государственной, так и помещичьей, удобнее было иметь дело с коллективами, с сельскими общинами, а не с отдельными индивидуумами. Может быть, действовали и другие причины. Словом, община была привычной исторической формой крестьянского землевладения, и этого института не решились тронуть. И это была ошибка.

Здесь не место входить в подробности. Достаточно сказать, что хозяйничание крестьянских коллективов довело Великороссию до отчаянного положения. Главная беда состояла в нижеследующем.

Коллективу, общине, земля принадлежала на правах собственности. Но коллективного хозяйства община не вела. Земля нарезалась по числу дворов, и на этих наделах дворы вели индивидуальное хозяйство. Причем наделы редко отводились в одном куске. Земля была обыкновенно не одинакового качества и назначения. Высокая идея уравнительности, искаженная черной завистью и примитивной жадностью, выплела на этой канве уродливые явления, исключавшие возможность толкового хозяйничания. Но это было полбеда. Другая половина состояла в том, что через каждые двенадцать лет мог быть передел. Передел нарезывал землю по-новому. Если какой-нибудь двор привел свой надел в порядок, отчего

земля улучшилась, то он мог быть уверен, что эта улучшенная земля будет разделена между другими дворами. Всякий знает, как медленно идут сельскохозяйственные процессы. К концу двенадцати лет те, которые трудились над улучшением своих участков, могли бы рассчитывать пожать плоды своих трудов. Почти полная уверенность, что эти плоды достанутся другим, меньше трудившимся, убивала в корне желание любовно над землей работать. Поэтому сельское хозяйство в общине равнялось не на лучших, а на худших, и свободные хлебопашцы в плену ожидаемого передела владели жалкое существование в неукоснительной косности.

Там, где не была община, было лучше. Но и там были грехи против землеустройства. Принудительная толока, то есть совместная пастьба скота на земле отдыхающей (пар), приводила к принудительному трехполью, то есть не позволяла отдельным хозяевам заводить более интенсивное хозяйство (многополье) на своих участках. Где они выходили на хутора, интенсивное хозяйство было возможно, и хуторяне быстро богатели.

При этих условиях, то есть несомненного "оскудения центра" и отсталого земледелия во всей стране, естественно, родилась мысль — перефасонить Россию на западный образец. Эта реформа ждала лишь исполнителя. Такой и явился в лице П. А. Столыпина, человека смелого и мыслящего в больших линиях. 9 ноября 1906 года последовал Указ о землеустройстве.

Реформа Столыпина вдохновлялась изречением английского экономиста: "Дайте собственнику бесплодную скалу, и он превратит ее в цветущий сад!"

Пример Западной Европы подтверждал эту мысль. Хутора, которые самотеком вырастали на Волыни и других местах, говорили о том же. Россия — не бесплодная скала. Россия — океан плодородной земли. Позором для нации было оставлять ее в таком вопиющем напряжении. Что же надо сделать? Бесплодной земле надо дать хозяина! Хозяин-собственник, на участках с конфигурацией, удобной для земледелия, сделает в России то же, что давно уже сделали крестьяне немецкие, английские, датские и другие... Русские хлеборобы не уроды какие-нибудь; наоборот, этот народ способный и толковый. Надо лишь дать ему условия для плодотворного труда.

Реформа Столыпина, энергично проводимая, пошла успешно(4). Можно было ожидать, что через четверть века русские урожаи достигнут уровня хотя бы австрийских, то есть 70 пудов на десятину. Это означало бы 9—10 миллиардов пудов зерна в год для всей страны.

Война 1914 года похоронила реформу Столыпина. В 1917 году произошла революция, и вместо реформы Столыпина Россия получила реформу Ленина.

Ленин бросил народ бывшей Российской Империи, образно, во власть земельного коллектива. Вместо общины появился колхоз. Однако колхоз существенно отличается от земельной общины достольпинского периода.

Община была собственником земли, причитавшейся на долю данного селения. Но она, община, не вела общинного коллективного хозяйства. Колхоз же является собственником земли, который ведет на ней, земле, хозяйство. Таким образом, столыпинская мечта осуществилась в этом смысле, что бесплодная земля нашла хозяина. Только этот хозяин был не единоличник (кроме приусадебных участков), а коллектив. Правда, этот сельский коллектив, то есть колхоз, был хозяином постольку, поскольку ему позволяло государство. До последнего времени этот коллектив был просто исполнителем приказаний Власти. Теперь государство вступило на путь раскрепощения колхоза. Ему дано больше воли. По крайней мере, так пишут в газетах.

Что же новый порядок, то есть коллективное хозяйничание землей, достигло ли своей цели? Подняло ли оно скандальные урожаи прежнего времени на должную высоту?

По-видимому, это так. Урожай высчитывают в 11 миллиардов пудов. Цифры посевной площади я не знаю. Предполагаю, что вместе с вновь распаханной целиной она должна быть не меньше 200 миллионов гектаров. Это дает урожай на гектар в 55 пудов. Австрия, самая отсталая из европейских больших стран, 50 лет тому назад имела 70 пудов на гектар. До нее, если мои расчеты сколько-нибудь верны, мы не дотянулись. Но очень превысили урожаи

того времени, которые, помнится, были 35 пудов (в среднем) на десятину.

Значит, хорошо? Хорошо, да не дуже, как говорится в русской сказке. Мы держим себя так, как будто вот-вот Америку догоним. Но Австрии, а тем более Германии, Дании, Англии по урожайности земли не только не догнали, но еще очень далеки до этого.

Но это совершенно не важно. На что нам столько зерна? Ведь если у нас урожай зерновых действительно достиг 11 миллиардов, то и сейчас трудно понять, куда мы его деваем. Население в 200 миллионов не может проглотить 11 миллиардов зерновых, это ведь выходит 55 пудов на душу населения, или 2,4 килограмма на человека ежедневно(5). Но меня сейчас мало интересует, куда деваются огромные излишки. Ясно, что мы не топим их в море, как некогда американцы свою пшеницу при перепроизводстве. Русское зерно, надо думать, находит более полезное применение. Прекрасно, что оно есть в таком избытке.

Меня интересует, почему при таком изобилии зерна наблюдаются постоянные перебои в продаже муки. Почему эти громадные очереди при 11-миллиардных урожаях?

Я отвергаю легкомысленные утверждения, что в газетах все врут и нет этих громадных урожаев. Отвергаю тоже и рассказы, что русские хлебом кормят китайцев на Востоке и народные демократии на Западе. До Китая много хлеба не довезешь. Не хватит ни вагонов, ни паровозов. В народные демократии тоже могут идти только небольшие миллионы. Венгрия, Румыния, Болгария богаче хлебом, Германия, Польша, Чехия если и нуждаются, то в скромных дотациях.

Я имею свое объяснение, почему при одиннадцатимиллиардном урожае могут быть там-сям недостатки в муке. Об этом скажу в своем месте.

Не буду я углубляться в вопрос, почему так убоги так называемые "колхозные рынки", словом, базары. В Гороховце базар являл унылую, чтобы не сказать удручающую, картину. Правда, там можно купить электрическую плитку, но земные плоды представлены нищенски. Невольно вспомнился мне тоже небольшой городок —

7 тысяч жителей (вдвое меньше, чем Гороховец), где я жил в Югославии. Там базары были наслаждение для души и тела. Никакие лотки не могли бы вместить все, что туда привозили окрестные села. Прямо на мостовой площади насыпались эти горы огурцов, бабур, тыковиц, синих баклажан, тыкв, дынь, арбузов да всего, что можно себе представить. И стоило это гроши, только домой снести трудно. Скажут, "Благословенный юг!"

Да, но старожилы согласно рассказывают, что некогда Гороховец был завален огурцами, яблоками, вишнями, малиной. Куда все это пропало? Не стоит об этом думать. Надо думать о главном. Все вернется, если...

Есть непонятная разногласия между тем, что я читаю в газетах, и тем, что твердит глас народа.

По газетам колхозы блестяще себя оправдали. Одиннадцать миллиардов хлеба и т. д. И при том нельзя отрицать, что огромную вспашку и уборку полей производят сильно уменьшенным числом хлебопашцев.

До войны 1914 года 80 процентов населения занималось земледелием. В настоящее время, надо считать, половина на половину, 50 процентов на земле, 50 процентов на фабрике(б). А посев и жатва увеличились, скажем, вдвое, если не втрое. Как же управляется уменьшенная армия хлеборобов? Это чудо объясняется механизацией. Машины всякого рода заменили плуг, лошадку и человека, шагающего за Савраской, и жницу с серпом в руках. Серп и молот остались только в гербе Советского Союза, а на базаре их и не купить... Что сделано, сделано, и спору об этом не может быть.

Спор идет иного порядка. И даже стоит ли это назвать спором? С одной стороны, газетная шумиха и в помощь ей громкий говор радиовещания. Все это убеждает, утверждает, повелевает верить.

С другой стороны, приглушенный шепот, робкое и трусливое шушуканье. Между этими несоизмеримыми по силе напора утверждениями идет спор.

Правительственная пропаганда говорит ясно, внятно, убедительно: колхозы удались! А народный шепот шуршит, как унылые осенние листья, о чем? О том, что и формулировать

трудно. Я сказал бы: не люб колхоз народу.

Почему? Не знаю. Ни в одном колхозе я не был, не удалось побывать. Как я могу знать, почему? Я только чувствую, что в народном шепоте, который слышишь, хотя и затыкаешь уши по причине личной безопасности, что в этом глухом ворчании русского медведя есть какая-то доля правды. Один человек, который был убежденным сторонником колхозов и мог знать положение, сказал мне: "Забил молот серп". И так заколотил, утеснил, что если дать им свободу, побегут из колхозов.

Это, правда, было несколько лет тому назад. Этот человек получил 25 лет тюрьмы за преступления, которых он никогда не делал; так зацепили неводом вместе и щук и невинных плотичек. Но его точка зрения, по-видимому, добежала до верхов. Я думаю так потому, что с некоторого времени сделаны были шаги в направлении, благоприятном для серпа. Молот стал меньше молотить село. Почувствовала ли деревня это и оценила ли, не знаю.

Думаю, что тут именно к месту "если", что я написал и не закончил.

Если под благовидным влиянием органических мер народ полюбит свой колхоз, как полюбит самого себя, то вернутся горы огурцов, яблок, вишен, малины. Пока же, как мне кажется, колхозники плохо отождествляют себя с колхозом. То колхоз, а то мы! На колхоз работают по обязанности и не прочь его обокрасть. Как же так, обкрадывать самого себя? Нелепо. Нелепо, если слиться с коллективом душой и телом. Но вполне естественно, если ощущать так:

— Я — это я. А колхоз — не я. Колхоз — это колхоз! И все тут.

В этом, как мне кажется, заключается и настоящее и будущее колхоза. Надо, чтобы колхозники свой колхоз любили.

Это так и есть! — твердит годами радио. Но именно, что это так страстно доказывается с утра до вечера и даже до полуночи, именно это и наводит на сомнение. Кто станет доказывать, что дважды два четыре? О самоочевидных истинах не спорят.

При Царской России были добровольные колхозы, лучше сказать коммунистические общины. Они назывались "толстовские колонии". Последователи толстовских (Льва Толстого) взглядов пытались сделать то, что ему самому не удалось сделать, то есть перейти от слов к делу. Они основали несколько общин коммунистического типа. Один из участников такой толстовской колонии рассказывал мне о ней так:

— Наша колония процветала сначала. Это продолжалось, пока ее состав был из подходящих элементов.

— Как вас понимать?

— Толстовское устройство — коммунистическое. Есть люди, которым коммунизм по плечу, и есть такие, которые до него не доросли или переросли. Сам Толстой в толстовской колонии не нашел бы своих великих произведений. Для этого нужны были "Ясная Поляна и графиня Софья Андреевна". Для коммунистического быта пригодны люди, которые имеют подходящий склад души. Люди, умеющие благодарно использовать лицевую, светлую сторону коммунизма и могущие терпеливо переносить его изнанку, то есть утеснение индивидуальной свободы. Это должны быть, кроме того, люди приятного, незлобивого, несварливого характера и не склонные увилывать от труда, ездить на других. Пока этого рода люди задавали тон в колонии, все шло прекрасно. Ее слава привлекла многих. И когда вошли в нее люди неподходящие, не доросшие до коммунизма и его переросшие, колония развалилась. Ведь мы в нее входили добровольно.

Ленинские колонии (колхозы) не были добровольными начинаниями: они образовались под сильным нажимом власти. Но это безразлично. В них могли оказаться элементы, доросшие до колхозов и не доросшие. Люди, любящие землю и способные работать для коллектива, как для себя самого, доросли до колхозов. Там, где они ведут колхоз, он должен удаваться: удаваться в смысле материальном, как хозяйственная единица; и в другом смысле, самом важном, то есть что жизнь в колхозе и для колхоза приятна, что люди довольны, чувствуют себя относительно счастливыми.

Но там, где толща колхоза состоит из людей, не доросших до жизни в коллективе и для

коллектива, там колхоз не может быть удачным делом. По той простой причине, что он не достигает основной цели, той цели, для которой делается "Опыт Ленина". Основная цель этого опыта — счастье людей. Но если колхоз жмет этих людей, как тесная обувь ногу, какое же может быть счастье? Колхозники таких колхозов, что составились из индивидуалистов, не могут любить свой колхоз: они должны его ненавидеть.

Но они вошли в него не по своей воле и не могут свободно разойтись, как добровольные толстовские колонии. Но кто знает, что было бы, если бы такая свобода им была предоставлена.

Трудно быть пророком. В 1907 году в Государственной Думе 2-го созыва обсуждался аграрный вопрос. Я тоже сказал речь. Обращаясь к социалистам, внесшим проект, близкий к ленинской земельной реформе, сказал между прочим:

— Почему говорится, что собственность священна? Потому, что если вы ее уничтожите, если вам удастся провести в жизнь ваши начинания, то это вызовет такое бедствие, что от этой великой страны, которая носит имя Россия, останется только громадный могильный курган, курган из крови и грязи!

Слова по своей резкости и категоричности соответствовали молодости оратора. Молодость всегда такова. Она не говорит, она изрекает. Мне было 29 лет. Теперь я стал осторожнее обращаться со словом, "слово — не воробей, вылетит — не поймаешь!".

Однако накоротке — мое пророчество сбылось. В тот день, когда Ленин провозгласил НЭП в 1921 году, он решил, что надо дать "передышку". Передышку в каком смысле? Передышку в применении социализма и уничтожении собственности. Почему это сделал В. И. Ленин? Потому что он пожалел Россию.

Эта страна в то время представляла курган, не курган, но беспредельную равнину, действительно залитую кровью человеческой. Кровью и слезами. И столько же было и грязи. Смешиваясь с кровью и слезами, зависть, ненависть, злоба и грязная взаимная клевета образовали ужасную стихию, некое "черное повидло", в котором осатаневшие люди стремились утопить друг друга.

Предсказание 29-летнего пророка в некоторой степени сбылось. Пожалуй, его можно назвать ведением.

Но он видел накоротке. Прошло 50 лет. Россия под названием Советский Союз живет, и никак про нее, желая быть правдивым, нельзя сказать, что это "курган из крови и грязи". Есть и кровь, есть и грязь на беспредельной равнине русской. Есть и курган. Величественный курган. Кровь и грязь стекли с него.

В степи на равнине открытой
Курган одинокий стоит,
Под ним богатырь знаменитый
В минувшие годы зарыт.
А. К. Толстой

С этого кургана видно далеко.

С него слышны неумолчные призывы и приказы, и указы духовных потомков Ленина. Они строят новый мир по заветам лежащего под курганом.

Пусть строят! Дайте им кончить! Тогда кто-то скажет вещее слово, слово важное для всех людей на земле. Не надо судить опыт Ленина преждевременно.

— Цыплят по осени считают!

А мы пока что еще переживаем только его весну. Дождемся заключительного аккорда, который грянет, на мой взгляд, в 2000 году.

Однако осторожность надо соблюдать обеим сторонам: и тем, что делают, и тем, что наблюдают.

Поэтому, возвращаясь к земле, о которой идет речь в этой главе, уместно, кажется мне, поставить один вопрос; поставить, не отвечая на него.

— Колхоз уже теперь Рай на земле? Или же надо еще подождать, пока он таковым станет?

Мне теперь уже не 29 лет, а 80. Поэтому я не пророчествую о судьбах земли, а ищу указаний Неба. А эти последние приходят ко мне через совесть. А совесть говорит устами Христа:

— Блаженны кроткие, ибо они унаследуют землю.

Это значит, что только то землеустройство даст людям счастье, которое будет сопряжено с любовью человека к человеку. Когда эта любовь воцарится, людям, ощущающим себя колхозниками, дадут колхоз. А индивидуалистам предоставят быть единоличниками. Пусть каждый будет счастлив на свой манер. Что говорит пословица: "чем бы дитя ни тешилось, лишь бы не плакало!"

ПРОМЫШЛЕННОСТЬ

Роман И. Эренбурга под заглавием "День второй" дает понятие о том, какими жертвами и муками сопровождалась стройка, то есть созидание этой ныне величественной советской промышленности.

Тот первый день, когда была решена эта стройка, был и первым днем войны с капиталистическим окружением. Это плохо поняли все державы; и совсем не поняли немцы. Заключив с Советами договор и облегчив им, Советам, первые самые трудные шаги стройки, Германия не имела ни малейшего понятия, что она сама себе роет могилу. Между тем это так: через двадцать лет Рапалло взял Берлин. Нужны ли вообще войны с капиталистическим окружением, или их можно избежать, об этом здесь говорить не буду. На это, может быть, мог бы дать ответ покойный Ленин. Но он пока что мирно спит на Красной площади. Если бы дух человека, подписавшего героическое решение судеб мира в Бресте, вдруг встал из могилы, может быть, судьба Земли вновь была бы решена в пользу мира.

Но тогда, то есть во времена Рапалло, была начата война, хотя и без объявления оной.

На войне как на войне! Война не знает жалости как к врагам, так и к своим.

Начало ноября 1914 года. Мы сидели за скромным ужином в штабе корпуса. Подали не совсем дожаренные котлеты, с кровью. Я не мог их есть, хотя тогда еще не был вегетарианцем. Подали чай. Я бросил кусок сахара в стакан и думал, мешая чай ложкой:

— Пока сахар растает, сколько людей упадет ранеными и убитыми?

Шел яростный ночной бой за Ярослав. Брови полковника, начальника штаба, были тревожны. Адьютант командира корпуса, молодой офицер, то и дело выходил "послушать". На дворе был ясно слышен отдаленный рокот орудий. Его сила говорила сама за себя. Впрочем, о том же, то есть, что сражение разгорается и положение серьезно, говорили и телефонные донесения. Но командир корпуса был спокоен.

Слушая донесения адъютанта, сообщаемые вполголоса, и читая донесения, которые подавал ему начальник штаба, генерал барабанил тихонько пальцем по столу, и только это выдавало его переживания. И он отвечал адъютанту и полковнику, а вернее своим собственным мыслям:

— Это они перед отступлением. К рассвету уйдут!

Он говорил негромко, но все, кто был за столом, слышали. А я дивился:

— Как он может это знать?

Командир корпуса был одним из лучших наших генералов. У него было нерусское лицо. И действительно, он был болгарин на русской службе. Это был генерал Радко-Дмитриев. О нем солдаты и офицеры говорили:

— Он что-то знает!

В этот вечер, точнее сказать на рассвете, я как будто понял: "что-то знает" существует!

В 10 часов вечера Радко-Дмитриев пошел спать, приказав разбудить его, если случится что-нибудь чрезвычайное. Но чрезвычайного не произошло, если не считать того, что к рассвету противник отступил.

В военном искусстве соединяются знания, полученные в школе; опыт, получаемый в деле, на войне, и еще вот это "что-то". Это особый дар военного ясновидения, который не всем дается.

Прежде чем уйти спать, Радко-Дмитриев обратился к нам с речью примерно такого содержания:

— Господа члены Государственной Думы (нас было трое), вот что я вам хочу сказать. Я не русский, но я горжусь тем, что командую русскими солдатами. Лучший в мире он, русский солдат. Не только горжусь, что ими командую, люблю я их, да, люблю всем сердцем.

Тут он загорелся, как истый южанин. И даже черные глаза его увлажнились. Голос стал громким и дрожащим. Он продолжал так:

— Люблю, а не смею любить. Не смею! Если бы я позволил себе любить, разве мог бы я воевать? Разве мог бы я посылать на смерть этих людей, как я постоянно делаю? Вот и сейчас в этой черной ночи, в грязи, в болоте они гибнут, падают, умирают, заливают грязь своей кровью. Разве я смею об этом думать? Если подумаю, прекращу бой. Но кто-нибудь, если я не могу, должен же о них думать. Должен же кто-то их пожалеть, тех, которых я жалеть не смею. И вот это ваше дело, господа члены Думы, — отдайте свои силы Красному Кресту! Нет более высокого дела на земле!

И обращаясь персонально ко мне:

— Прапорщик, член Государственной Думы, как офицер Вы исполнили свой долг, Вы добровольно поступили в Армию, чтобы показать пример другим. Вы были ранены, и с Вас довольно! Как маленький офицер в первом чине, что Вы значите? Небольшую пользу принесете Вы нам. Ваше место там, где Вы можете облегчить страдания тех, кого мы жалеть не смеем. Я написал приказ об откомандировании Вас в Красный Крест.

Вот так на войне. Те, кто ее ведет, не смеют жалеть ни врагов, ни своих. Стройка — была война. Война, которую вели с величайшим напряжением и в великой спешке. Спешили, ожидая нападения противника. И потому людей не жалели. Их укладывали на стройке так же, как Радко-Дмитриев и другие генералы посылали на смерть солдат, которых они любили и жалели.

На войне как на войне!

Победителей не судят! — говорит поговорка. Ценою великих страданий советская промышленность создана и выполнила свое назначение. Отбила нападение противника. Забудем о жертвах. С известной точки зрения нельзя было поступать иначе. Есть правда генералов; генералов в погонах и генералов без погон; и есть правда Красного Креста.

Если отвлечься от всего этого и рассматривать советскую промышленность только как достижение, то она "удивительна". Так высказался на днях английский премьер Мак-Миллан, а англичане знают толк в этих делах. Отзыв этого министра, не склонного переоценивать Страну Советов, является таким лестным и компетентным свидетельством о советской промышленности, что к этому мне нечего добавить.

Разве скажу, что советская промышленность является воплощением советской науки. То и другое находятся в полном согласии.

Если "спутники" спроектированы наукой, то сделала их промышленность. Если бы материя отставала от полета идей, то наука осталась бы при теоретических расчетах, не поддержанных опытом.

Слава ученым, слава инженерам, слава высококвалифицированным мастерам и рядовым рабочим.

Слава молоту, под условием, что он не будет угнетать серп.

На известной скульптуре у юноши с молотом слишком суровое лицо. Подумай о девушке с серпом, которую ты держишь за руку, милый друг! Она слабее тебя, она женщина. Не вырви ей руку из плеча...

Советская промышленность родилась после первой мировой войны, и родилась она для второй. Это промышленность по преимуществу военная. В этом ее смысл и бессмыслие.

Военная промышленность есть великое созидание для великого разрушения. Если на Луне есть какие-то невидимые существа, которые, однако, нас видят, видят, что творится у нас, то они, примерно, должны думать так:

— Странная планета эта Земля! Мы видим отсюда, с Луны, что кто-то там строит и строит, но когда построит, то он это построенное разрушает. Нельзя их понять. Может быть, это игра у них такая? Может быть, люди Земли не делаются никогда взрослыми, даже когда их головы белеют?

По-видимому, это так. Игра в войну продолжается, и конца ей не видно. "В борьбе обретишь ты право свое!"

При такой устремленности естественно, что военная промышленность сорок лет угнетала мирную и довела людей до жилплощади в 4 кв. метра. Чудеса этой промышленности, я бы сказал, мало доходчивы до обывателя. "Спутники" никак не влияют на ширпотреб, а скорее его снижают, поскольку на "космос" уходят силы и деньги. Обыватель, даже развитой, понимает, что "спутники", по существу дела, чудеса баллистики, то есть чудеса военной промышленности, и что они показатели ее возможностей. Но от этого не легче. Наоборот, эти "спутники", летающие вокруг Земли, еще больше треплют нервы. Они кажутся буревестниками, предвещающими ураган третьей мировой войны со всеми ее ужасами.

И только одно желание у напуганных людей: перековать мечи на орала! Избавиться от чудес этой великолепнейшей в мире военной промышленности, переделав ее на мирную, бескровную, доходчивую до человеческих нужд.

Если этого не будет сделано, то военная промышленность погубит все страны, где она расцвела. При столкновении, которое неизбежно, если военная промышленность не будет демобилизована, выживут, быть может, только те страны, которые не имеют совсем военной промышленности, как, например, Индия.

Таким образом, безоружные победят вооруженных. И исполнится предсказание.

— Блаженны кроткие; ибо они унаследуют Землю.

ТОРГОВЛЯ

— Учитесь торговать!

Это провозгласил Ленин, одновременно с уничтожением сословия купцов. Впрочем, часть именитого московского купечества как-то пытались приспособить на службу при торговле государственной. Это было во времена нэпа. И, по-видимому, не принесло пользы, в смысле обучения государственных чиновников искусству торговать.

Прошло сорок лет. Созданы "удивительные материальные достижения" в Советском Союзе, по мнению английских министров, но торговать не научились.

В чем искусство торговца? Это крайне просто и крайне сложно.

Купец тот, кто обслуживает своих покупателей так, что они получают все, что им требуется. Товары в лавке должны быть в таком количестве, чтобы спрос не превышал предложение. Если это происходит, то образуются очереди. Эти хвосты — явное свидетельство неумения торговца. Чем хвост длиннее, тем предвиденье купца короче. Иногда бывают хвосты и потому, что техническое обслуживание плохое. Недостаточно приказчиков, или работают они неумело. Это значит, что купец-хозяин ленив или не имеет административных способностей, неповоротливого ума человек. Или попросту не заинтересован в своем собственном деле.

Точно так же умелый купец должен следить за качеством товара. Не только он должен быть хорошего качества, но и должен соответствовать вкусу покупателя.

Что с того, например, если болгарские папиросы — товар высокого качества, когда русский покупатель привык курить хотя и похуже, но покрепче.

Для настоящего купца один есть закон: угождать покупателю. Он должен внимательно следить за модой, но не за модой парижской или лондонской, а за той модой, которая в

данное время повелевает деспотически в том городе или селе, где его лавка. Мода не бежит, как радиоволна, 300000 км в секунду, она движется медленнее.

Сегодня, скажем, Москва оставила носить брюки "шириной в Черное море" и перешла на более узкие; но Владимир еще полгода будет носить брюки, похожие на две юбки, а Гороховец и целый год. Умелый торговец это знает. Он сбывает поскорее предметы, на которые мода кончается, и загодя заготавливает новую моду. Когда она пришла наконец, он без всяких хвостов, тихо и плавно переоденет всех модников своего города, угла и даже медвежьего угла. Умелый торговец — это Наполеон!

Великий стратиг говорил:

— Не надо быть сильным вообще. Надо быть сильнее в нужном месте.

Какая простая мысль! Но сложно было ее надумать, а еще сложнее проводить ее в жизнь. Не надо иметь огромных запасов, бессмысленных залежей товаров. Но надо иметь в каждом данном месте все, что требует покупатель в данное время.

Для этого купец, настоящий купец, который является благодетелем населения, должен иметь зоркий взгляд и профессиональное чутье и, кроме того, неослабимую волю благодествовать, то есть угождать покупателю. Тот купец, который делал бы это все бескорыстно, филантроп высокой марки, полусвятой.

Таких нет купцов, или почти нет. Купцы обыкновенные люди и от них требуется только, в смысле моральном, чтобы они были честны. А напряжение их воли, профессиональная их энергия поддерживаются в них не высокой моралью, а личной заинтересованностью. Стоит эту заинтересованность отнять, и от великого сословия купеческого, благодетельствующего целый народ, останутся только одинокие чудаки, работающие себе в убыток. Да и эти скоро исчезнут разорившись.

Когда Ленин потребовал от своих единомышленников "учитесь торговать", то это нельзя понимать иначе, как в таком смысле:

— Учитесь торговать так, как торговали купцы, которых мы уничтожили. С таким же искусством и рвением!

Но что же должно было заменить для ленинских купцов, то есть купцов от государства, что должно было заменить для них могучий стимул личной заинтересованности? Понятно — что: священный огонь идейного горения!

Такие идеалисты среди материалистов, конечно, были. Эти готовы были отдать все свои силы и даже жизнь на любом фронте, в том числе и на баррикадах государственной торговли. Но, во-первых, их было немного. Кроме того, те стимулы, которые действуют в других областях помимо личной материальной заинтересованности, например, удовлетворенное тщеславие, в области торговли как-то плохо приложимы. Трудно присудить звание "Героя Социалистического Труда" человеку, который не ест, не пьет только ради того, чтобы в городе Гороховце были фетровые шляпы, когда появилось желание их носить. Для достижения этой цели такому благодетелю пришлось бы совершить настоящие подвиги настойчивости и терпения, чтобы заставить тяжелый государственный аппарат поверить, что фетровые шляпы действительно нужны в Гороховце, и добиться, чтобы их туда послали столько, сколько нужно. Но кто этот подвиг оценил бы? Его просто никто и не заметил бы. И поэтому в Гороховце нельзя было получить фетровой шляпы. Нельзя было получить ее и во Владимире. Два года я тщетно пытался получить эту нужную мне вещь от советской государственной торговли. Наконец мне надоело, и я написал в Финляндию, одному моему другу по тюрьме, просьбу прислать мне шляпу. И я ее оттуда получил, и прекрасного качества. Были некоторые затруднения таможенного свойства. Быть может, не дешево обошлась эта шляпа отправителю, но чего не сделает "далекий друг", ежели он друг тюремный.

Но что такое шляпа? Пустяки. Вопрос с обувью серьезнее. Обувь в Гороховце и Владимире, по-видимому, зависит от Луны, если судить по тому обстоятельству, что она подвержена приливам и отливам.

Там о заре прихлынут волны На брег печальный и пустой...

Вдруг нахлынет обувь! Но ее сейчас же расхватают ловкачи, и опять берег пуст и нем.

Это называется государственная торговля.

А мука? Я не могу поверить, чтобы при одиннадцатимиллиардном урожае не было муки. Мука есть; торговцев нет. И когда она наконец прибудет, долгожданная, хвосты протягиваются через всю улицу, а в них жалкие бледные лица в платочках, лица женщин, стоящих долгие часы в очередях, встав до зари.

Чтобы в прежнее время, до войны 1914 года, в России стояли очереди за мукой, этого ни один старожил не запомнит.

А сахар? Я читал в газетах:

— Одна только Украина дает сахару в полтора раза более, чем вся Франция.

Но кто видел очереди во Франции на сахар? По-видимому, там Луна не действует.

Нет ни приливов, ни отливов. В лавках всегда есть все, что французу нужно. По крайней мере так было в те шесть лет (1924–1930), когда я там жил. А в Гороховце и Владимире лунные явления на муку, сахар, лимоны, папиросы, яблоки, груши, виноград, а также мясо, молоко, сало видны и невооруженным глазом.

Я все говорю о Гороховце (в котором, кстати сказать, нет гороха, да и фасоли и бобов тоже нет) да о Владимире (в котором совершенно перевелись знаменитые владимирские вишни). Но я ничего больше не видел, и в этом нет моей вины. Однако знаю, что в других городах Владимирской области те же самые приливы и отливы товаров. Не думаю, чтобы в других областях было иначе.

С чего бы? Ведь причины везде те же самые — товары есть, торговать не умеют!

Можно ли поверить, что в державе, которая вышла на второе место в мире по добыче стали и железа, самые обыкновенные гвозди иногда отсутствуют, не говоря уже о шурупах (винтиках)? Мне понадобилось однажды в Гороховце два шурупчика. В хозяйственном магазине мне сказали:

— Ваше такое счастье, дедушка! Вот вам два последних. Больше во всем Г ороховце ни одного шурупа нет. И не скоро будут.

Да шурупов я в тот раз не сразу добился. Стояла разгоряченная очередь женщин на металлическую эмалированную посуду: тазы, кувшины, кастрюли. Прежде чем купить два шурупчика, я купил громадный таз для одной знакомой, которая стояла так далеко в хвосте, что не имела надежды получить таз, а я был значительно впереди ее. Она меня трогательно благодарила. Она знала, что тазы упали с Луны, их разберут и опять долго, долго ничего не будет.

В стране гос. гидростанций, удивляющих мир, которые шлют неисчислимые тысячи киловатт электрического тока, может ли не быть обыкновенных лампочек? Может.

— Нет, дедушка, лампочек нет.

— А скоро ли будут?

— Нет, скоро не ожидаем. А впрочем, кто его знает...

Вот государственная торговля такая, какая она есть. Ничего подобного мы не знали в прежней царской России. Всего было куда меньше, чем теперь. Продукция ширпотреба неизмеримо выросла. Но теперь постоянная нехватка, которой раньше не было.

Все, что покупатель требовал, было всегда на базарах, в лавках и магазинах.

Это происходило потому, что торговлю вела не неповоротливая государственная колымага, управляемая армией равнодушных чиновников, торговлю вела армия юрких, быстрых, ловких людей, желавших во что бы то ни стало обслужить покупателя.

У нашей семьи были вальцовые мельницы на Волыни. Их настроил мой отчим. Он был сын деревенского мельника и детские годы провел под рокот мельничного колеса. Затем он вышел в большие люди: стал редактором газеты, профессором университета и членом Государственного совета. Но у него была наследственная любовь к мельницам. Мы были прбсто мельники, то есть коммерцией не занимались. Покупали зерно и продавали муку маленькие (в смысле капитала) евреи, которые от нас же получали деньги на оборот. Дело шло хорошо и для них, и для нас, и для покупателя. Наша мука обслуживала западные

губернии, но доходила и до Петербурга (Ленинграда). А зерно, в зависимости от колебания цен, евреи выписывали, кроме местного рынка, на широком просторе, от Румынии до Челябинска.

Но не помню уже почему, однажды мы вздумали торговать сами. Евреи предупреждали:

— Это не панское (помещичье) дело!

И они оказались правы. На коммерции мы потерпели убытки и вернулись к прежнему разделению труда. Мы, мельники, мололи; евреи, купцы, торговали.

Торговое дело и простое и крайне сложное. Тут необходимы профессиональные знания, навыки, уменье.

Беда, коль пироги начнет печи сапожник,
А сапоги тачать пирожник.
И дело не пойдет на лад!..
Крылов

В таком положении оказалась государственная торговля в Советской России. Она не пошла на лад. За сорок лет, как мне кажется, это достаточно выяснилось. То есть что выяснилось? Выяснилось, что этот срок недостаточен, чтобы государство выучилось торговать.

Удалась механизация земли. Удалась промышленность. Не удалась торговля.

Смотреть на эту картину: все как будто есть. Есть, но где-то! Там, где нужно, всего этого нет.

Мы богаты вообще, но не там, где есть нужда.

И вспоминается изречение очень древнее. Оно было сказано в 862 году, одиннадцать веков тому назад: "Земля наша и велика и обильна, но порядка в ней нет".

У Времени три лица. Все на свете имеет Прошое, Настоящее и Будущее. Прошое и Будущее представляются нам бесконечными. А Настоящее, по правде говоря, не существует. Настоящее относится к условиям Дифференциального Исчисления. Настоящее есть бесконечно малый отрезок времени, в пределе переходящее в ноль. Настоящее есть искра, которая горит так долго, сколько нам нужно, чтобы ее осознать. Как только я сказал себе "вот сейчас настоящее", его уже нет; искра потухла, потонула в прошлом. Но практически, в нашем повседневном быту, настоящее есть. Когда мы говорим "в настоящее время происходит то-то и то-то", то мы включаем в настоящее ближайшее прошлое и ближайшее будущее. Так вторая часть этого сочинения "Опыт Ленина" посвящена настоящему времени. Что это значит? В данном случае мое настоящее ограничивается в прошлом примерно с того времени, как я вышел на свободу, то есть 23 сентября 1956 года, и простирается в будущее до того, надеюсь недалекого, дня, когда я кончу эту книгу. Когда я поставлю последнюю точку, мое настоящее станет прошлым.

Сердце в будущем живет;
Настоящее уныло:
Все мгновенно, все пройдет;
Что пройдет, то будет мило.

Почему настоящее уныло? Таково свойство человеческого сердца, подмеченное поэтом. Люди вечно недовольны. Немногие умеют наслаждаться тем, что есть. Оттого-то их помышления устремляются в будущее. Они знают, что над прошлым мы бессильны. Древняя поговорка гласит:

— Сами боги не могут сделать бывшее не бывшим.

Но будущее, думают люди, в нашей власти. До известной степени они правы. Задуманное сегодня может осуществиться завтра. Поэтому полезно думать о будущем.

Думать в логическом порядке, пытаюсь установить причинную связь явлений. Полезно думать, сея хлеб, что зерно взойдет. Это и есть думанье о будущем в причинной связи явлений.

Я не могу лукавить и утверждать, что я приветствую "Опыт Ленина". Если бы от меня зависело, я предпочел бы, чтобы этот эксперимент был поставлен где угодно, но только не на моей родине. Однако если он начат и зашел так далеко, то совершенно необходимо, чтобы этот "Опыт Ленина" был закончен. А он, возможно, не будет закончен, если мы будем слишком горды.

Есть правда внешняя и есть правда внутренняя.

В некоторых отношениях положение нынешних руководителей Советского Союза труднее, чем было положение Ленина сорок лет тому назад, когда он подписал Брестский мир в 1918 году. Тогда ведь нечем было гордиться. Гибелью целого народа грозила бы гордость. Теперь совсем иначе.

Есть чем гордиться! Наука, промышленность, грозная Армия. В особенности последняя...

Я говорю это только к тому, что иногда полезно и выгодно сломить свою гордость; не говоря о том, что гордость один из семи смертных грехов.

Был ли горд Ленин? Не думаю. Ведь его облик не являет горделивой позы. Кроме того, его героические решения, Брест и нэп, говорят о другом, не о гордости. Горделивую позу приняли мы, Белые, отвергая Брест. Но сказано:

— Кто возвышает себя, унижен будет.

И мы были унижены. Почему? Потому что вообразили о себе больше, чем мы того стоили. Это и есть гордость. Сказано еще:

— Не затевай строить дома, если у тебя есть только на стены, а на крышу нет. Пойдут дожди, стены твои расползутся, и будешь ты посмешище среди людей.

Не был Ленин горд, когда подписывал "похабный мир". Он в это время не имел возможности строить дом. Если бы начал это дело, то не достроил бы его, дом без крыши развалился бы. Обстоятельства предоставляли ему только землянку, хижину. Ленин удовольствовался хижинкой по Брестскому миру. Когда и она начала падать, Ленин подпер рушащиеся стены кольями в виде нэпа. Таким образом он спас хижину. Улучшились обстоятельства, и его преемники принялись строить дом. Им удалось выстроить стены и накрыть их кровлей до наступления новых ливней, гитлеровских. Из хижины, сбереженной Лениным, в конце концов выстроились пышные хоромы наших дней. Но в этих хоромах жилплощадь 4 кв. метра. Это обязывает строителей этих хором к скромности.

Я присутствовал при самом зарождении "Опыта Ленина". Я не давал согласия, чтобы моя родина была положена на стол экспериментатора. Я знал, что операция будет мучительна и никакие анестезирующие средства не помогут. Поэтому я боролся всеми силами против операторов. И даже перестав уже активно бороться, я остался враждебен "Опыту Ленина". И так длилось примерно сорок лет.

По истечении сорока лет вражда утихла. И обстоятельства повернулись так, что у меня появилось смутное желание как-то включиться в опыт; как-то приладиться к делу, которое делает моя родина. Этому доказательство настоящее мое произведение под заглавием "Опыт Ленина". То, что здесь написано, написано свободным пером. Так писать — мое призвание; писать же несвободным пером я не могу, не умею; никогда не умел и на старости лет не научусь. Когда человек делает свое дело, это доставляет ему некоторое удовлетворение. Я его получил. И все.

Именно потому, что книга эта написана свободно, она обречена быть произведением, тираж которого — один-единственный экземпляр. В настоящем периоде стройки "Опыта Ленина" положение таково: свободные перья не нужны. В этом утверждении нет ни горечи, ни осуждения. Таковы методы строителей; им выгоднее. Но из этого определяется мое положение.

Ленин когда-то выразился по моему адресу:

Когда мы придем к власти, мы дадим вам хорошую одежду, хороший стол под условием работы, к которой вы будете вполне подготовлены.

Работа, к которой я подготовлен, это водить пером по бумаге. Но только свободно могу я писать. Если же такая работа не нужна, то я безработный. Безработному не дадут "хорошей одежды и хорошей пищи", подразумевая под этими упрощенными словами сносную жизнь. Холодная война идет в той или иной степени повсеместно. Чтобы печататься, надо стоять на одной или другой стороне. Поэтому "свободные перья" не нужны никому; ни здесь, ни там. Когда кончится Холодная война, может быть, будет иначе.

Но моя личная судьба — это ничтожная песчинка в грандиозном "Опыте Ленина". Я ничем не могу ему помочь. Однако я действительно искренне желаю, чтобы ОН, опыт, был доведен до конца. Это нужно всем людям на земле, и доказательствам этой мысли посвящена моя настоящая книга...

Рукопись "Опыт Ленина" начата писанием после разговора, имевшего место 16 сентября 1958 года. Кончена 24 ноября 1958 года.

Написана в Доме инвалидов в городе Владимире областном.

Кроме автора ни единый человек этой рукописи по сей день не читал. В том числе и моя жена Мар. Дим., которая не знает даже заглавия. Персонал Дома инвалидов думает, что я писал некий исторический труд, что не так далеко от истины.

В. ШУЛЬГИН. 24.XI.58 г.

М. Д. Заглавие узнала и больше ничего.

ПОСЛЕСЛОВИЕ-КОММЕНТАРИЙ

Поскольку в течение нескольких лет я стремился изучить и понять происходившее в России в первой половине нашего столетия (главы моего исследования публиковались в "НС" с 1993 года и вплоть до данного номера), считаю уместным сказать несколько слов о размышлениях В. В. Шульгина.

Перед нами фрагменты сравнительно обширной книги Василия Витальевича "Опыт Ленина"². Представивший рукопись для публикации М. А. Айвазян в своем предисловии, на мой взгляд, преувеличил достоинства шульгинской книги ("прекрасный писатель", "необычайный творческий дар" и т. п.). Но он вполне прав, говоря о Шульгине как о поистине необыкновенном "человеке-легенде", чьи сочинения, естественно, заслуживают внимания любого читателя. Точно так же он совершенно справедливо говорит о присущем Шульгину "удивительном прагматизме", "трезвом анализе действительности".

В последнее время в России были впервые опубликованы многие сочинения современников и в той или иной мере единомышленников Шульгина, отмеченные глубиной и яркостью идей, но далеко не всегда содержащие в себе "трезвую" — в конечном счете, объективную — оценку реальной жизни России до 1917 года и после него и, далее, выводы, имеющие, так сказать, непосредственно практическое значение. Василий Витальевич, уже хотя бы потому, что он в течение долгих лет был, как отмечает М. А. Айвазян, не только "созерцателем", но и "активнейшим участником" российской истории, имеет в этом отношении особые преимущества.

Здесь невозможно говорить об уникально долгом — почти столетнем — жизненном пути Шульгина; к тому же в-распоряжении читателей — изданные массовыми тиражами исследования Д. А. Жукова³, лично знавшего Василия Витальевича. Упомяну только о том,

² В этой журнальной публикации опущены, в основном, страницы, имеющие чисто личный характер, размышления, так или иначе повторяющие то, что высказано в других книгах Шульгина, и, наконец, суждения, характеризующие ту ситуацию в мире, которая имела место во время создания книги, то есть в 1958 году.

³ Жизнь и книги В. В. Шульгина (в кн.: Шульгин В. В. Дни. 1920. — М., 1989 с 3 — 72) — Ключи к Трем

что Шульгин начал свою политическую деятельность во время первой российской революции как убежденный монархист и консерватор, в 1917-м фактически признал исчерпанность существующей монархии, непосредственно, лично (в качестве представителя Государственной Думы) приняв отречение от престола Николая II, но в 1918-м вступил в Белую ("Добровольческую") армию, боровшуюся против новой, большевистской власти.

Весьма важно иметь в виду, что очень многие из тех мыслящих людей, которые после 1917 года и до конца своей жизни заведомо негативно писали о том, что Шульгин определил как "опыт Ленина", в дооктябрьские времена почти столь же (или даже столь же) отрицательно относились к "монархической" России! Это можно сказать и о Бердяеве, и о Георгии Федотове, и даже — хотя бы в известной мере — о Сергее Булгакове (все трое, между прочим, побывали в свое время членами РСДРП), и о целом ряде других людей этого ряда. И волей-неволей должна возникать мысль о том, что дело шло о неприятии не какого-либо конкретного общественно-политического строя в России, а самой России — независимо от того, кто и как ею управляет (в писаниях Г. Федотова это вполне очевидно)...

Шульгин не "идеализировал" ни дооктябрьскую, ни, конечно, послеоктябрьскую Россию, но он видел безусловные ценности ее бытия и сознания, — ценности, которые дают ей право на существование среди любых других стран мира и которые так или иначе существуют при любом складывающемся в ней общественно-политическом строе.

Этим Шульгин, как уже сказано, отличается от многих своих современников, размышлявших о России. И совсем уж кардинально отличается книга Шульгина от подавляющего большинства нынешних сочинений и речей о России, в коих ее послеоктябрьская история (то, что Шульгин назвал "опытом Ленина") предается глобальному отрицанию, предстает как своего рода "черная дыра".

Те, кто предаются с 1991 года подобному отрицанию целого исторического периода в судьбе России, делают это либо по неразумию, основываясь на чисто эмоциональном порыве, либо (так бывает чаще) просто потому, что сие занятие выгодно. Многочисленные гайдар-чубайс-лацис-киселевы писали и говорили до 1991 года нечто прямо противоположное тому, что пишут и говорят теперь (см. об этом, например, блестящий памфлет Михаила Коврова — "НС", 1997, № 5, с. 253). Все эти бывшие члены КПСС с более или менее длительным (в зависимости от года их рождения) стажем, по сути дела, смехотворны в своих проклятиях большевизма, — что с полной ясностью обнаруживается в свете размышлений В. В. Шульгина, в течение почти столетия непримиримо боровшегося против этого самого большевизма.

Но наиболее важно следующее. Размышления Шульгина, в сущности, враждебнее и опаснее для нынешних так называемых демократов, чем любые большевистские сочинения. Ведь достаточно просто перелистать неоднократно издававшийся с 1995 года гайдаровский опус под заглавием

"Государство и эволюция", чтобы убедиться: перед нами враг не большевизма, а России, верным сыном которой всегда был Василий Витальевич Шульгин.

Со времени, когда было написано сочинение В. В. Шульгина, миновало почти сорок лет. И сегодня многие уверены, что "опыт Ленина" полностью "закончился", и то, что началось восемьдесят лет назад, в 1917-м, уже не имеет никакого будущего, — в частности, события 3–4 октября 1993 года были, с этой точки зрения, последней — и, мол, совершенно бесперспективной — попыткой как-то "продолжить" сей опыт.

Но "уроки" истории — или, вернее, Истории — во всем ее объеме побуждают думать иначе. Правда, даже обращаясь к этим "урокам", нередко делают странные "ошибки". Так, автор, близкий М. А. Айвазяну (автору предисловия к данной публикации), М. Чердынцев, писал недавно ("Независимая газета" от 23 сентября 1997 года), что-де в событиях 3–4 октября 1993 года "аналогия с французским июлем 1830-го и реставрацией Бурбонов,

столицам" (в кн.: Шульгин В. В. Три столицы. — М., 1991, с. 398–496); Россия на Голгофе (в кн.: Жуков Дмитрий. Прозрения. — М., 1991, с. 369–420).

последовавшей за этим, была слишком явной". Имелось в виду, очевидно, что люди, вышедшие на "баррикады" у "Белого дома", имели целью реставрацию.

Когда общий взгляд на вещи неверен, возникает подчас прямо-таки удивительное искажение бесспорных фактов. Ведь в 1830 году во Франции произошла вовсе не "реставрация Бурбонов" (то есть королевской династии, правившей до Великой революции 1789 года), а, напротив, их окончательное свержение (реставрация же совершилась шестнадцатью годами ранее, в 1814 году, и она была тщетной попыткой навсегда отменить "результаты" революции 1789 года).

И если уж ставить вопрос об "аналогии" с российскими событиями осени 1993 года, несомненно, такой аналогией в истории Франции была ситуация осени 1823 года, когда "реставратор" Людовик XVIII (Бурбон) разогнал Палату депутатов, поскольку в ней преобладала "непримиримая оппозиция" во главе со знаменитым маркизом-революционером Лафайетом; спустя два года, в 1825-м, маркиз вновь был избран в Палату депутатов, а еще через пять лет, в июле 1830-го, он возглавил революционную национальную гвардию...

Вообще же из Истории ясно, что реставрация, пытающаяся отменить "результаты" революции, и, с другой стороны, возврат к этим "результатам" — явления принципиально различные. Революция — это своего рода геологический катаклизм, "результаты" которого неустраимы — несмотря на любые попытки их отменить.

Необходимо добавить к этому следующее. Я отнюдь не принадлежу к людям, считающим, что социализм "лучше" капитализма (или наоборот); более тридцати лет назад во мне сложилось убеждение, что "оценочное" понятие о прогрессе — идеологический миф; каждый этап Истории имеет свою истину и свою ложь, свое добро и свое зло и т. д. Смена "общественных формаций" — явление не "хорошее" и не "плохое"; оно — неизбежное...

* * *

В заключение — несколько конкретных примечаний к сочинению В. В. Шульгина.

(1) В. В. Шульгин сильно преувеличивает роль большевиков в разложении армии в 1917 году. Гораздо более осведомленный Верховный главнокомандующий Западным фронтом генерал А. И. Деникин заявил еще в июле 1917 года: Когда повторяют на каждом шагу, что причиной развала армии послужили большевики, я протестую. Это неверно. Армию развалили другие"; (генерал имел в виду деятелей самого Временного правительства; см. подробно об этом: "НС", 1994, № 11, с. 220 и далее).

(2) Ленинский лозунг о "праве наций на самоопределение" (и в том числе украинской нации) был только политическим маневром. Это ясно из действий большевистской власти: она утвердилась 7 ноября (25 октября) 1917 года, а уже 12 февраля (30 января) 1918 года ее войска выбили Центральную Раду из Киева (хотя борьба затем продолжилась).

(3) Ср. весьма содержательный полный текст Керзона в моей книге "История Руси и русского Слова. Современный взгляд" (М., 1997, с. 77).

(4) К сожалению, широко распространенные представления о так называемой "Столыпинской реформе" (разделяемые, как видим, и В. В. Шульгиным) в значительной мере легендарны. Петр Аркадьевич Столыпин являл собой, вне всякого сомнения, выдающегося, даже, пожалуй, великого государственного деятеля, но связываемая с его именем реформа сельского хозяйства была разработана не им, а совсем другими людьми, что со всей убедительностью показано в подлинно исследовательской работе историка П. Н. Зырянова "Петр Столыпин. Политический портрет" (М., 1992). Во-вторых, наиболее основательные экономисты, в том числе крупнейший представитель русской экономической науки конца XIX — начала XX века А. И. Чупров, уже в то время показали бесперспективность этой реформы. См. об этом статью Ю. Егорова "Чупров против Столыпина" в журн. "Былое", 1996, № 5; сошлюсь также на свою только что изданную книгу "Судьба России..." (М., 1997, с. 37–40).

(5) Эти подсчеты В. В. Шульгина не вполне точны. Цифру "11 млрд пудов" он, по всей

вероятности, почерпнул из какого-либо опубликованного ранее хвастливого хрущевского плана; в 1958 году урожай зерновых равнялся 134,7 млн тонн, то есть, по старинному счету, всего 8,2 (а не 11) млрд пудов. Вместе с тем, В. В. неточен и "в другую сторону": 200 млн гектаров — это посевные площади того времени в целом, а посевная площадь зерновых составляла 120 млн гектаров и, следовательно, урожайность 1958 года — 68,5 (а не 55) пуда с гектара. Однако на душу населения страны приходилось, таким образом, не 2,4, а 1,8 кг зерна (на день). Немаловажно и еще одно соотношение. Ниже В. В. пишет, что количество "хлебопашцев" уменьшилось в сравнении с дореволюционным временем. И действительно, в сельском хозяйстве в 1913 году было занято 49,5 млн работников, а в 1958-м — 32,5 млн, то есть на 34 процента меньше (но урожай 1958-го был тем не менее на 56,6 процента выше урожая 1913 года). Так что в целом В. В. Шульгин верно говорил о превосходстве, достигнутом в сельском хозяйстве через сорок лет после революции. Могут, правда, возразить, что население 1958 года примерно на 25 процентов превышало по своему количеству население 1913-го, но не следует забывать и того, что в 1913 году в России имелось более 40 млн (!) лошадей, без которых нельзя представить себе тогдашнюю жизнедеятельность страны и которые потребляли весьма и весьма значительную часть урожая зерна...

(6) В действительности земледелием занималось в 1958 году 39 процентов населения (имеющего занятия); "жатва" же увеличилась не в два-три раза, а в полтора раза с лишним.

Вадим КОЖИНОВ